

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARIES

A standard linear barcode consisting of vertical black lines of varying widths on a white background.

3 1761 00322721 2

PG
3453
B2
1914a
t.4

(12)

This is an authorized facsimile of the original book, and
was produced in 1972 by microfilm-xerography by University
Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Бальмонт, Константин Евгеньевич

"К. Д. БАЛЬМОНТЪ"

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

т. 4

Томъ Четвертый

Только Любовь

Изд. 3

Издание ТРЕТЬЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
"СКОРПИОНЪ" 1913—

X778691
X778434
of 38434

К. Д. Бальмонтъ

ТИПОГРАФИЯ В. И. ВОРОНОВА, МОСКВА, МОХОВАЯ, Д. КН. ГАГАРИНА.

Только Любовь

СЕМИЦВѢТНИКЪ

ЦВѢТНЫЯ ТКАНИ

ГИМНЪ СОЛНЦУ.

1.

Жизни податель,
Свѣтлый создатель,
Солнце, тебя я пою!
Пусть хоть несчастной
Сдѣлай, но страстной,
Жаркой и властной
Душу мою!

Жизни податель,
Богъ и Создатель,
Страшный сжигающій Свѣты!
Дай мнѣ—на пирѣ
Звукомъ быть въ ларѣ,—
Лучшаго въ Мирѣ
Счастія вѣты!

2.

О, какъ, должно-быть, было это Утро
Единственно въ величинѣ своемъ,
Когда въ рубинахъ, въ нѣгѣ перламутра,
Зажглось ты первымъ творческимъ лучомъ.

Надъ Хаосомъ, гдѣ каждая возможность
Предчувствовала первый свой расцвѣтъ,
Во всемъ была живая полносложность,
Все было „Да“, не возникало „Нѣть“.

Въ ликующемъ и пылномъ Океанѣ
Тьмы темъ очей глубокихъ ты взягло,
И не было нигдѣ для счастья грани,
Любились всѣ, такъ жадно и свѣтло.

Дѣйствительность была равна съ мечтой,
И такъ же близъ была свѣтла, какъ даль.
Чтобъ пѣсни трепетали красотою,
Не надо было въ нихъ влагать печаль.

Все было многолико и едино,
Все изѣжало и чаровало взглядъ,
Когда изъ перламутра и рубина
Въ то Утро ты соткало свой нарядъ.

Потомъ, вспонивъ столѣтья, миллионы
Горячихъ, огненцвѣтныхъ, страстныхъ дней,
Ты жизнь вело чрезъ высн и улоны,
Но въ каждый взоръ вливало блескъ огней.

И много разъ лицъ Мира измѣнялся,
И много протекло могучихъ рѣкъ,
Но громко голосъ Солнца раздавался,
И пѣсни крови слышать человѣкъ.

„О, дѣти Солнца, какъ они прекрасны!“—
Тотъ воагласъ перешелъ изъ устъ въ уста.
Въ тѣ дни лобзанья вѣчно были страстны,
Въ лицѣ красива каждая черта.

То въ Мексикѣ, гдѣ въ таинствахъ жестокихъ
Цвѣли такъ страшно красные цвѣты,—
То въ Индіи, гдѣ въ душахъ свѣтлоокихъ
Сложился блескъ ума и красоты,—

То тамъ, гдѣ Аписъ, весь согрѣтый кровью,
Склонивъ чело, на немъ являлъ автаду,
И, съ нимъ любя безстрашною любовью,
Лобзались люди въ храмахъ, какъ въ бреду.—

То между сновъ пластической Эллады,
Гдѣ Діонисъ царилъ я Аполлонъ,—
Веадѣ ты лило блескъ въ людские взглѣды,
И разумъ Мира въ Солнце былъ влюбленъ.

Какъ не любить свѣтило золотое,
Надежду запредѣльшую Земли.
О, вѣчное, высокое, святое,
Созвучью вѣжныхъ строкъ моихъ временъ!

3.

Я все въ тебѣ люблю. Ты намъ даешь цвѣты,
Гвоздики алые, и губы розъ, и маки,
Изъ безразличья темноты
Выводишь Міръ, томившійся во мракѣ,
Къ красивой цѣльности отдѣльной красоты,
И въ слитномъ Хаосѣ являются черты,
Во мглѣ, что предъ тобой, вдругъ дрогнувъ, подается,
Встаютъ—они и мы, глядятъ—и я и ты,
Ростеть, поеть, сверкаетъ, и смеется,
Ликуетъ празднично все то,
Въ чемъ лучъ горячей крови бьется,
Что ночью было какъ ничто.

Безъ Солнца были бы мы темными рабами,
Виѣ пониманія, что есть лучистый день,
Но самоцвѣтными камнями
Теперь мечты горятъ, намъ зrimы свѣтъ и тѣнь.

Безъ Солнца облака—тяжелыя, густыя,
Недвижно-мрачныя, какъ тягостный утесъ,
Но только ты взойдешь,—воздушно-золотыя,
Они воздушпѣй дѣтскихъ грезъ,
Итоже, чѣмъ мысли молодыя.

Ты не взойдешь еще, а Миръ уже поетъ,
Надъ соснами гудить звеплицѣ вѣтеръ Мая,
И влагой синею поишь ты небосводъ,
Всю мглу Безбрежности лучами обнимая.

И вотъ твой яркій дискъ на Небеса взошелъ,
Превыше вѣчныхъ горъ, гориши ты надъ богами,
И люди Солнце пьють, ты льешь вино струями,
Но страшно ты для глазъ, привыкшихъ видѣть долъ,
На Солнце лишь глядить орелъ,
Когда летитъ надъ облаками.

Но, не глядя на ликъ, что осѣпляетъ всѣхъ,
Мы чувствуемъ тебя въ громахъ, въ пѣмой былинкѣ,—
Когда, желанный намъ, услышимъ звонкій смѣхъ,
Когда увидимъ лучъ, средь чащи, на тропинкѣ.

Мы чувствуемъ тебя въ рѣкѣ полночныхъ авѣздъ,
И въ глыбахъ темныхъ тучъ, разорванныхъ грозою,
Когда между нихъ горитъ, манищей полосою,
Воздушный семицвѣтный мостъ.

Тебя мы чувствуемъ во всѣмъ, въ чёмъ блескъ алмазный,
 Въ чёмъ свѣтъ коралловый, жемчужный иль иной.
 Безъ Солнца наша жизнь была бъ однообразной,
 Теперь же мы живемъ мечтою вѣчно-разной,
 Но болѣе всего ласкаешь ты—весной.

4.

Свѣжей весной
 Все-озаряющее,
 Насъ опьяняющее
 Цвѣтомъ, лучомъ, новизной,—
 Слабые стебли для жизни прямой укрѣпляющее,—
 Ты, пребывающее
 Съ нимъ, неизвѣстнымъ, съ тобою, любовь, и со мной!

Ты теплое въ радостно-грустномъ Апрѣлѣ,
 Когда на зарѣ
 Играютъ свирилья,
 Горячее въ лѣтней порѣ,
 Въ палящемъ Іюлѣ,
 Родящемъ зернистый и сочный прививъ
 Въ колосьяхъ желтѣющихъ нивъ,
 Что въ свѣтѣ лучей утопули.
 Ты жгучее въ Африкѣ, свѣтъ твой горитъ
 Смертельно, въ часъ полдня, вблизи Пирамидъ,
 И въ зыбяхъ песчаныхъ Сахары.
 Ты страшное въ нашей Россіи лѣсной,
 Когда, воспринявши палящій твой зной,
 Рокочутъ лѣсные пожары.
 Ты въ отблескахъ мертвыхъ, въ предѣлахъ тѣхъ странъ,
 Гдѣ бѣзою смертью одѣтъ Океанъ,
 Что люди зовутъ Ледовитымъ,—
 Гдѣ стелются версты и версты воды
 И вѣчно звенятъ и ломаются льды,
 Бѣлѣя подъ вѣтромъ сердитымъ.

Въ Норвегіі блѣдной — полночное ты;
 Сияньемъ полярнымъ глядишь съ высоты,
 Гориши въ сочетаньяхъ нежданныхъ.
 Ты тусклое тамъ, гдѣ взрастаютъ лишь мхи,
 Цѣпляются въ тундрахъ, глядѣть какъ грѣхи,
 Въ краяхъ для тебя нежеланныхъ.
 Но Солнцу и въ тундрахъ предѣльности нѣть,
 Они получаютъ зловѣщій твой свѣтъ,
 И, если есть черныя страны,
 Гдѣ люди въ бреду и въ видѣньяхъ весь годъ,
 Тамъ день есть межъ днями, когда небосводъ
 Мигъ правды даетъ за обманы,
 И тотъ, кто томился весь годъ безъ лучей,
 Въ мигъ правды богаче избранниковъ дней.

5.

Я тебя воспѣваю, о, яркое жаркое Солнце,
 Но хоть знаю, что я и красива и нѣжно пою,
 И хоть струны Поэта звончѣй золотого червонца,
 Я не въ силахъ исчерпать всю властность, всю чару твою.

Если бъ я родился не Пѣвцомъ, истомленнымъ тоскою,
 Если бъ былъ я звенящей блестящей свободной волной,
 Я украсилъ бы берегъ жемчужиной — искрой морскою —
 Но не зналь бы я, сколько скрыто ихъ всѣхъ глубиной.

Если бъ я родился не стремящимся жаднымъ Поэтомъ,
 Я расцвѣль бы какъ ландышъ, какъ бѣлый влюбленный цветокъ,
 Но не зналь бы я, сколько цветовъ раскрывается лѣтомъ,
 И душистые сны сосчитать я никакъ бы не могъ.

Такъ, тебя воспѣвая, о, счастье, о, Солнце святое,
 Я лишь частію слышу ликующій жизненный смѣхъ,
 Все люблю я въ тебѣ, ты во всемъ и всегда — молодое,
 Но сильнѣе всего то, что въ жизни гориши ты — для всѣхъ.

6.

Люблю въ тебѣ, что ты, согрѣвъ Франциска,
Воспѣвшаго тебя, какъ я пою,
Ласкаешь тѣмъ же свѣтомъ василиска,
Лелѣшь иѣжныхъ птичекъ и змѣю.

Мѣняешь безконечно сочетанья
Людей, авѣрей, планетъ, ночей, и днѣй,
И насть ведешь дорогами страданья,
Но насть ведешь къ Безсмертію Огней.

Люблю, что тотъ же самый свѣтъ могучій,
Что насть ведеть къ немеркнущему Дню,
Струнть дожди, порвавши сумракъ тучи,
И пріобщаетъ иѣжныхъ дѣвъ къ огню.

Но, если, озаряя и цѣлую,
Касаешься ты мыслей, губъ, и плечъ,
Въ тебѣ всего сильнѣе то люблю я,
Что можешь ты своимъ сіянньемъ—сжечь.

Ты явственно на стоны отвѣчаешь,
Что выборъ есть межъ сумракомъ и днемъ,
И ты невѣсту съ пламенемъ вѣнчашь,
Когда въ душѣ горишь своимъ огнемъ.

Въ тотъ яркій день, когда владыки Рима
Въ послѣдній разъ вступили въ Кароагенъ,
Они изъ прѣ пламени и дыма
Разрушили оплотъ высокихъ стѣнъ,—

Но гордая супруга Газдрубала,
Наперекоръ побѣдному врагу.
Взглянувъ на Солнце, про себя сказала:
„Еще теперь я побѣдить могу!“

И, окруживъ себя людьми, конями,
Какъ на престолъ взошедшъ на костеръ,
Она спала съ блестящими огнями,
И быть триумфъ—несбытный позоръ.

И вспыхнуло не то же ли сиянье
Для двухъ, чья страсть была сильней, чѣмъ Миръ,
Въ любовникахъ, чьи жаркія лобзанья
Черезъ вѣка почувствовалъ Шекспиръ.

Плѣнительна, какъ солнечная сила,
Та Клеопатра, съ пламенемъ въ крови,
Плѣнителенъ, предъ этой Змѣйкой Нила,
Антоній, склонивъ умъ въ огнь любви.

Полубогамъ великаго Заката
Ты вспыхнуло въ вѣкахъ пурпурнымъ днемъ,
Какъ намъ теперь, закатностью богато,
Сияешь алымъ красочнымъ огнемъ.

Ты ихъ сожгла. Но въ свѣтлой мглѣ забвенья
Земль сказали: „Снова жизнь готовы!“—
Надъ ихъ могилой—легкій звонъ мгновенья,
Пылаютъ маки, красные, какъ кровь.

И какъ въ великой грезѣ Македонца
Царилъ надъ всей Землею умъ одинъ,
Такъ ты одно царишь надъ Миромъ, Солнце,
О, міровой закатный нашъ рубинъ!

И въ эту часъ, когда я въ нѣжномъ звонѣ
Слагаю пѣснь высокому Царю,
Ты жжешь костры въ глубокомъ небосклонѣ,
И я свѣтло, сквозя жизнь, горю!

7.

О, Мироадатель,
Жизнеподатель,
Солнце, тебя я пою!
Ты въ полногласной
Сказкѣ прекрасной
Сдѣлало страшной
Душу мою!

Жизни податель,
Богъ и Создатель,
Мудро сжигающій—Свѣтъ!
Радъ я на пирѣ
Звукомъ быть въ лирѣ,—
Лучшаго въ Мирѣ
Счастія нѣтъ!

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧЪ.

Свой мозгъ пронзилъ я солнечнымъ лучомъ.
Гляжу на Миръ. Не помню ни о чёмъ.
Я вижу свѣтъ, и цвѣтовой туманъ.
Мой духъ влюбленъ. Онъ упоенъ. Онъ пынъ.

Какъ лучъ горить на пальцахъ у меня!
Какъ сладко миѣ присутствіе огня!
Смѣшилось все. Людское я забылъ.
Я въ міровомъ. Я въ центрѣ вѣчныхъ силъ.

Какъ радостно быть жаркимъ и сверкать!
 Какъ весело мгновенія скигать!
 Со свѣтлыми я свѣтомъ говорю.
 Я царствую. Блаженствуя. Горю.

СИГУРДЪ.

Когда Сигурдъ отвѣдалъ крови
 Убитаго Фафнера,
 Весь Міръ ему открылся вновѣ,
 Узналъ онъ утро Мира.
 Онъ увидалъ рожденіе грома,
 Проникъ въ языкъ онъ итиль,
 И все, что было такъ знакомо,
 Одѣлось въ блескъ зарницъ.

Шѣвецъ, что былъ лицомъ прекрасенъ,
 И былъ въ словахъ разуменъ,
 Узналъ, какъ смыслъ явленій ясенъ,
 Какъ хоръ ихъ многошуменъ.
 Онъ былъ избранникомъ для иира,—
 Прочь то, что насть гибнить,
 Онъ звалъ соперникомъ Фафнира,
 Соперникъ былъ убитъ.

Сигурдъ, Сигурдъ, ты былъ властитель,
 Возлюбленный Судьбою,
 Да будетъ славенъ побѣдитель,
 Ты взялъ добычу съ боемъ.
 Сигурдъ, Сигурдъ, ты звался Чудомъ,
 Ты смѣло въ Мірѣ шелъ,
 Ты видѣлъ Землю изумрудомъ,
 И иѣль тебѣ орель.

„Возьми”, онъ пѣлъ напѣвомъ властнымъ,
 „Запястья золотыя,
 „Въ нихъ день горить, съ отливомъ краснымъ,
 „Въ нихъ звѣзды молодыя.
 „Налей свой кубокъ, въ блескѣ пира,
 „Забудь, чтѣ было встарь,
 „Тебѣ открыто утро Mira,
 „И ты въ томъ Mиръ—Царь”.

ЧТО МНѢ ИРАВИТСЯ.

Чтѣ мнѣ больше иравится въ безднахъ міровыхъ,
 И кого огмѣтиль я между всѣхъ живыхъ?

Альбатроса, коршуна, тигра, и коня,
 Жаворонка, бабочку, и цветы огня.

Альбатросъ мнѣ иравится тѣмъ, что онъ крылатъ,
 Тѣмъ, что онъ врѣзается въ грозовой раскатъ.

Въ коршуна мнѣ иравится то, что онъ могучъ,
 И, какъ качень, падаетъ изъ высокихъ тучъ.

Въ тигрѣ то, что съ яростью мягкость сочеталь,
 И не знать расканнья, Бога не видаль.

И въ другихъ желанно мнѣ то, что—ихъ вполнѣ,
 Нравится отдельностью всѣ созданья мнѣ.

Жаворонокъ—пѣшемъ, быстротою—конь,
 Бабочка—воздушностью, красотой—огонь.

Да, огонь красивѣе всѣхъ иныхъ живыхъ,
 Въ искрахъ—ликование духовъ міровыхъ.

И крылатъ и властенъ онъ, въ быстротѣ могучъ,
И поеть дождями онъ изъ громовыхъ тучъ.

По землѣ онъ ластится, жаждетъ высоты,
Въ красные слагается страстные цвѣты.

Да, огонь красицѣ между всѣхъ живыхъ,
Въ искрахъ ликованіе духовъ мировыхъ.

Въ пламени ликующемъ—самый яркій цвѣть.
Въ жизни—смерть, и въ смерти—жизнь. Всѣмъ живымъ—привѣтъ!

МОИ ЗВѢРИ.

Мой звѣрь—не левъ, излюбленный толпою,
Мнѣ кажется, что онъ лишь крупный песь.
Нѣть, желтый тигръ, съ безшумною стопою
Во мнѣ рождаетъ больше странныхъ грезъ.

И символъ Вакха,—быстрый, сладострастный,
Какъ бы изъ стали, мѣткій леопардъ.
Онъ весь—какъ гений вымысла прекрасный,
Отецъ легендъ, звѣрь-богъ, колдунъ и бардъ.

Еще люблю я черную пантеру,
Когда она глядитъ передъ собой
Въ какую-то вѣжизненную сферу,
Какъ страшный Сфинксъ въ пустынѣ голубой.

Но, если отъ Азійскихъ, Африканскихъ
Святыхъ пустынь мечту я оторву,
Средъ нашихъ дней, и плоскихъ, и мѣщанскихъ,
Моей желанной—кошку назову.

Она въ себѣ, въ изящной миниатюрѣ,
Соединила этихъ трехъ авѣрей.
Есть искры у нея въ лоснистой шкурѣ,
У нея въ крови—бродячій хмѣль страстей.

Она проходить въ комнатахъ бевшумно,
Всегда свою преслѣдуя мечту,
Влюблется внезапно и безумно,
И любить вѣдьмъ и любить темноту.

Въ ея зрачкахъ— непознанная чара,
Въ нихъ фосфоръ и круги поздѣшнихъ сферъ,
Она пѣвала страшнаго Эдгара,
Ей былъ пѣвецъ трагической Бодлеръ.

Два генія, влюбленные въ мечтавыя,
Моя два брата въ безднѣ міровой,
Гдѣ намъ даны безмѣрныя страданья
И безирѣдѣльность музыки живой.

ЖАРЬ-ПТИЦА.

То, что люди называли по наивности любовью,
То, чего они искали, міръ не разъ окрасивъ кровью,
Эту чудную Жарь-Птицу я въ рукахъ своихъ держу,
Какъ поймать ее, я знаю, но другимъ не расскажу.

Чтѣ другіе, чтѣ мы люди! Пусть они вдуть по краю,
Я за край взглянуть умѣю и свою бездонность знаю.
То, что въ пропастяхъ и безднахъ, мы извѣстно навсегда,
Мы смеются тамъ блаженство, гдѣ другимъ грозитъ бѣда.

Девь мой ярче дня земного, ночь моя не ночь людская,
 Мысль моя дрожитъ безбрежно, въ запредельность убѣгая.
 И меня поймутъ лишь души, что похожи на меня,
 Люди съ волей, люди съ кровью, духи страсти и огня!

УЗЕЛЬ.

Я пiti завязалъ могучаго узла,—
 Добро и Красоту, Любовь и Силу Зла,
 Спасеніе и Грѣхъ, Измѣпчивость и Вѣчность
 Въ мою блестящую включиль я быстротечность.

Опъ мой, безумный мигъ слiяпія—всего,
 Ничто не ускользнетъ отъ взора моего.
 Когда же я сотру весь яркій цвѣтъ мгновенія,
 Къ себѣ я клику Смерть, и съ ней придетъ Забвенье.

ЗВѢЗДНЫЙ ХОРОВОДЪ.

Я заглянула во столько глазъ,
 Что позабыла я навсегда,
 Когда любилъ я въ первый разъ,
 И не любилъ—когда?

Какъ тотъ Севильскій Донъ-Жуанъ,
 Я Вѣчный Жидъ, минутный мужъ.
 Я знаю сказки многихъ странъ
 И тайну многихъ душъ.

Мгновенія иѣжной красоты
 Соткалъ я въ звѣздный хороводъ.
 Но неисчерпаемость мечты
 Меня зоветъ—впередъ.

Что было разъ, то было разъ,
Душѣ любить запрета нѣть.
Хочу я блеска новыхъ глазъ,
Непознанныхъ плашеть.

Волненье сладостной тоски
Меня уносить вновь и вновь.
И я всегда гляжу въ зрачки,
Чтобъ въ нихъ читать—любовь.

ЗЫБИ ЗРАЧКОВЪ.

Когда на меня напряженно глядять
Безмолвныя сотни зрачковъ,
И каждый блестящій мерцающій взглядъ
Хранить многозыблемость словъ,—

Когда я стою предъ вѣмою толпой
И смѣло предъ ней говорю,—
Миѣ чудится, будто во мглѣ голубой,
Во мглѣ голубой я горю.

Дрожитъ въ углубленной лазури звѣзда,
Лучи устремивъ съ вышинъ,
Отвѣтною чарой играетъ вода,
Невѣтная зыбь глубины.

Какъ много дробящихся волнъ предо мной,
Какъ зыбки мерцанія сновъ,
И духъ мой къ волнамъ уѣгаешьъ волной,
Въ безмолвное море зрачковъ.

ПЕСОКЪ.

Ровный, плоский, одноцвѣтный,
 Безлагольный, беспредметный,
 Солнцемъ выжженый песокъ
 Былъ когда-то въ безднахъ Моря,
 И надъ нимъ, о силѣ споря,
 Шквалъ со шкваломъ биться могъ.

И чудовища морскія,
 Межъ стихій морскихъ стихія,
 Съ выбкимъ праздникомъ въ кровь,
 Въ неземной глубинной дали,
 Трепетали, сочетали
 Узы грузныя любви.

Но надъ царствомъ тѣмъ зеленымъ,
 Милліонъ за милліономъ,
 Минулы токъ текучихъ лѣтъ,
 И чудовища устали
 Трепетать въ глубинной дали,
 И любви ихъ больше нѣтъ.

И другая даль, пѣмая,
 Въ безпределность убѣгая,
 Молча свой проводить срокъ.
 Спить—не спить въ безвестной чарѣ,
 Въ утомительной Сахарѣ,
 Нескончаемый песокъ.

ВОРОЖБА.

Въ часъ полночный, въ чащѣ лѣса, подъ ущербною Луной,
Тамъ, гдѣ запечаты ели перемѣшаны съ сосной,
Я задумалъ, что случится въ близкомъ будущемъ со мной.

Это было послѣ жаркихъ, послѣ полныхъ страсти дней,
Счастье скрѣть я, но не зналъ я, не зажглъ лѣ еще сильнѣй,
Это было—это было въ Ночь Ивановыхъ Огней.

Я нашелъ въ лѣсу поляну, гдѣ скликалось много совъ,
Тамъ для смѣыхъ были слышны звуки странныхъ голосовъ,
Точно стоны убиенныхъ, точно плѣнныхъ къ вольнымъ возвъ.

Очертивъ кругомъ завѣтный охранительный узоръ,
Я развелъ на той полянѣ дымно-блещущій костеръ,
И взиралъ я, обращалъ я на огни упорный взоръ.

Краснымъ вѣтромъ, желтымъ вихремъ, предо мной возникъ огонь.
Чу! въ лѣсу невнятный шопотъ, дальний топотъ, мчится конь.
Вѣдьма пламени, являемая, по меня въ кругу не тронь!

Кто жь тамъ скакетъ? Кто тамъ плачетъ? Гулкій шумъ въ лѣсу
сильнѣй.

Кто тамъ стонеть? Кто хоронить память бывшихъ мертвыхъ дней?
Вѣдьма пламени, явись мнѣ въ Ночь Ивановыхъ Огней!

И въ кострѣ возникла Вѣдьма, въ ней и страхъ и красота,
Длинны волосы сѣды, но огнемъ горятъ уста,
Хоть сѣдая—молодая, красной тканью обвита.

Странно мнѣ знакомъ злорадный жадный блескъ зеленыхъ глазъ,
Ты не въ первый разъ со мною, хоть и въ первый—такъ зажглась,
Хоть впервые такъ тебя я вижу въ этотъ мертвый часъ.

Не съ тобой ли я подумалъ, что любовь—бессмертный Рай?
 Не тебѣ ли повторялъ я: „О, гори и не сгорай“?
 Не съ тобой ли сжегъ я Утро, сжегъ свой Полдень, сжегъ свой Май?

Не съ тобою ли узналъ я, какъ созданье пытъ уста,
 Какъ душа въ любви сѣдѣть, холодѣть красота,
 Какъ душа, что такъ любила, та же все—и вотъ не та?

О, знакомъ мнѣ твой влюбленный блескъ зеленыхъ жадныхъ глазъ,
 Жизнь любовью и враждою навсегда сковала насть,
 Но скажи мнѣ, что со мною будетъ въ самой близкій часъ?

Вѣдьма пламени качнулась, и сильнѣй блеснула костерь,
 Тти дружно зашлясили, отъ костра иди въ просторъ,
 И змѣиной красотою заграль отливный взоръ.

И на взамѣ показала Вѣдьма огненная мнѣ,
 Баругъ увидѣлъ я такъ ясно,—какъ бываетъ въ вѣщемъ снѣ,—
 Что возникли чи-то лики въ каждой красной головнѣ.

Каждый ликъ—мечта былая, то, что зналъ я, то, чѣмъ былъ,
 Каждый ликъ—сестра, съ которой въ бракъ святой—душой—всту-
 пилъ,

Передъ тѣмъ какъ я съ прохладой обниматься полюбилъ.

Кровью каждая горѣла предо мною головни,
 Догорѣла и истлѣла, почернѣла для меня,
 Какъ безжизненное тѣло въ пасти дымчатаго огня.

Вѣдьма ярче разгорѣлась, та же все—и вотъ не та,
 Что-то вмѣстѣ мы убили, какъ рубинъ—ея уста,
 Какъ расплавленнымъ рубиномъ, красной тканью обвита.

Краснымъ вѣтромъ, алымъ вихремъ, закрутилась надъ путемъ,
 Искры съ свистомъ уронила осѣннительнымъ дождемъ,
 Обожгла и опьянила и исчезла... Ито потомъ?

На глухой лѣсной полянѣ я одинъ среди стволовъ,
Слышу вадохи, слыту ропотъ, звуки дальнихъ голосовъ,
Точно шопотъ убіенныхъ, точно плѣнныхъ тихій зовъ.

Вотъ что было, что узналъ я, что случилося со мной
Тамъ, гдѣ запы темныхъ елей перемѣшаны съ сосной,
Въ часъ полночный, въ часъ зловѣщій, подъ ущербою Луной.

ДЛЯВОЛЪ МОРЯ.

Есть рыба—Дляволъ Моря,
Она мала на взглядъ,
Но въ ней, съ тобою споря,
Танцуетъ смертный ядъ.

Она—морское чудо.
Лови въ моряхъ, живой,
И рыбъ бери оттуда,
Но бойся рыбы той.

Когда она ужалить
Чуть зрямымъ остріемъ,
Твой челнъ туда прижалить,
Гдѣ вѣтъ, въ свой часъ, уснемъ.

Живой—и смертный тѣломъ,
Съ душой—гдѣ бываютъ моря,
Иди къ своимъ предѣламъ,
Въ тебѣ горятъ зари.

Въ тебѣ такъ много дивныхъ
 Сокровищъ, травъ, и рыбъ.
 Но тамъ, въ моряхъ призывныхъ,
 Запретный есть изгибъ.

И въ чёмъ изгибъ случайный,
 То каждый знаетъ самъ,
 Но овъ смертельной тайной
 Грозить всечасно намъ.

И намъ нельзя коснуться
 Нѣмого острія,
 Иначе вдругъ проснутся
 Всѣ пытки бытія.

Смертельно опечаленъ,
 Навѣки самъ не свой,
 Зачахнешь ты, ужаленъ
 Душою, не змѣей,—

Зубцомъ жестокимъ чуда,
 Что想要 быть на днѣ.
 Не все поймешь отсюда,
 Что скрыто въ глубинѣ.

Живи—съ душой не споря,
 Не все ты трогай въ ней.
 Есть рыба Дьяволъ Моря
 Въ моряхъ души твоей!

КОЛДУНЬЯ.

She who must be obeyed.

R. Haggard.

—Колдунья, мнѣ странно такъ видѣть тебя.

Мнѣ люди твердили, что ты
Живешь—безощадно живое губя,
Что старыя страшны черты:
Ты смотришь такъ нѣжно, ты манишь, любя,
И вся ты полна красоты.—

„Кто такъ говорилъ, можетъ, быть онъ и правъ:
Жила я не годы,—всегда.
И много безумцевъ, свой умъ потерявъ,
Узнали всѣ пытки,—о, да!
Но я какъ цвѣтокъ расцвѣтаю межъ травъ,
И я навсегда—молода“.

—Колдунья, Колдунья, твой взоръ такъ глубокъ,
Я вижу столѣтья въ зрачкахъ.
Но ты мнѣ желанна. Твой зыбкій намекъ
Въ душѣ пробуждаетъ не страхъ.
Дай счастье съ тобой хоть на малый мнѣ срокъ,
А тамъ—пусть терзаюсь въ вѣкахъ.—

„Вотъ это откроетъ блаженство для насъ,
Такія слова я люблю.
И если ты будешь бессмертнымъ въ нашъ часъ,
Я счастіе наше продлю.
Но, если увижу, что взоръ твой погасъ,
Я тотчасъ тебя утоплю“.

Я снялся съ Колдуньей, всегда-молодой,
 Съ ней счастливъ былъ счастьемъ боговъ.
 Часы ли, вѣка ли прошли чередой?
 Не знаю, я въ беадиѣ былъ сновъ.
 Но какъ разскажать мнѣ о сладости той?
 Не въ силахъ. Нѣтъ власти. Нѣтъ словъ.

—Колдунья, Колдунья, ты ярко-свѣтла,
 Но видишь, я свѣтель, какъ ты.
 Мнѣ вѣдомы таинства Блага и Зла,
 Не знаю лишь тайнъ Красоты.
 Скажи мнѣ, какъ ткани свои ты сплела,
 И какъ ты зажгла въ нихъ цвѣты?—

Колдунья взглянула такъ страшно-свѣтло.
 „Гляди на этотъ полныи стаканъ“.
 И что-то, какъ будто, предъ нами прошло,
 Прозрачный и быстрый туманъ.
 Вино золотое картины зажгло,
 Правдивый возникъ въ немъ обманъ.

Какъ въ зеркалѣ мертвомъ, въ стаканѣ вина
 Возникъ уноительный заль.
 Колдунья была въ немъ такъ четко видна,
 На ткани весь міръ оживать.
 Сидѣла она за станкомъ у окна,
 Узоръ за узоромъ вставалъ.

Не знаю, что было мнѣ страшнаго въ томъ,
 Но только я вдругъ поблѣдѣлъ.
 И страшно хотѣлось войти мнѣ въ тотъ домъ,
 Гдѣ заль этотъ пышный блестѣлъ.
 И быть какъ Колдунья, за страннымъ станкомъ,
 И тотъ же извѣдатъ удѣлъ.

Узоръ за узоромъ живой Красоты
 Мѣнялся все снова и вновь.
 Слагались, горѣли, качались цветы,
 Былъ страхъ въ нихъ, была въ нихъ любовь.
 И между мгновенными въ ткань съ высоты
 Пурпурная падала кровь.

И вдругъ я увидѣлъ въ томъ свѣтломъ винѣ,
 Что въ залѣ ковры по стѣнамъ.
 Они измѣнялись, почудилось мнѣ,
 Подобно причудливымъ снамъ.
 И жизнь всѣмъ владѣла на лѣвой стѣнѣ,
 Миръ справа былъ данъ мертвѣцамъ.

Но что это, что тамъ за сонъ бытія?
 Войною захваченный станъ.
 Я думалъ, и мысль задрожала моя,
 Рой смертныхъ былъ Гибели данъ.
 Тамъ были и завтра, и люди, и я!—
 И я опрокинулъ стаканъ.

Что сдѣлалъ потомъ я? Что думалъ тогда?
 Что было, что стало со мной?
 Объ этомъ не знать никому никогда
 Во всей этой жизни земной.
 Колдунья, какъ прежде, всегда—молода,
 И разумъ мой—вѣчно съ весной.

Колдунья, Колдунья, раскрылъ твой обманъ
 Мнѣ страшную тайну твою.
 И красныя ткани средь призрачныхъ странъ
 Сплетая, узоры я вью.
 И весело полный шипящій стаканъ
 За жизнь, за Колдунью я пью!

ОЧЕРТАНИЯ СНОВЪ

Long lines of light—

Shelley

ВОЗВРАЩЕНИЕ:

Мне хочется снова дрожаний качели,
 Въ той липовой рощѣ, въ деревнѣ родновѣ,
 Гдѣ утромъ фіалки во мглѣ голубѣли,
 Гдѣ мысли рѣбѣли такъ странно весной.

Мне хочется снова быть кроткимъ и нѣжнымъ,
 Быть снова ребенкомъ, хотя бы въ другомъ,
 Но только бѣ упиться бездоннымъ, безбрежнымъ,
 Въ раю бѣлосѣжномъ, въ раю голубомъ.

И, если любилъ я безумныя ласки,
 Я къ нимъ остываю, совсѣмъ, навсегда,
 Мне нравится вечеръ, и дѣтскіе глазки,
 И тихія сказки, и снова звѣзда.

РАННИМЪ УТРОМЪ.

Раннимъ утромъ я видаль,
 Какъ блѣдѣютъ маргаритки.
 Я видаль, межъ тяжкихъ скаль,
 Золотые слитки.

Въ раннемъ дѣтствѣ я любилъ
 Тихій залъ и шумъ на волѣ,
 Полночь въ беднахъ изъ свѣтиль,
 И росинки въ полѣ.

Въ раннемъ дѣтствѣ я проникъ
 Въ тиши планетъ и въ адѣшній ропотъ,
 Я люблю—безумный крикъ,
 И нѣжнѣйшій шопотъ.

ПРЕДДВЕРЬЯ.

Зачѣмъ мы торопимся къ яркости чувства,
 Въ которой всѣхъ красокъ роскошный закатъ?
 Помедлимъ немнога въ преддверьяхъ Искусства,
 И мягкимъ разсвѣтомъ насытимъ нашъ взглядъ.

Есть много прозрачныхъ воздушныхъ мечтаний
 Въ начальныхъ исканьяхъ папиной души,
 Есть много пловучихъ, какъ сонъ, очертаний
 Въ предутреннихъ тучкахъ, въ безвѣстной глуши.

Есть свѣжесть и тайна въ младенческихъ взорахъ,
 Тамъ новые звѣзды въ рожденьи своеемъ,
 Слагаются тамъ откровенія, въ которыхъ
 Мы, преждѣ, утренней жизнью живѣмъ.

И много стыдливости, розовой, зыбкой,
 Въ дѣвическомъ лице, не знавшемъ страстей,
 Съ его полуустертої смущенной улыбкой,
 Безъ знанія жизни, судьбы, и людей.

О, много есть чаръ въ нерасцвѣтшихъ растеніяхъ,
 Что намъ расцвѣтутъ, черезъ часъ, черезъ мигъ.
 Помедлимъ лѣтѣно въ своихъ наслажденіяхъ,—
 Въ истокахъ прозрачныхъ такъ нѣженъ родникъ.

ПОДО ЛЬДОМЪ.

Надъ окованной льдомъ глубиной и иду,
И гляжу, и скользу я на льду.
Лучезарна поверхность холоднаго льда,
Но темна подо льдами вода.

Тамъ въ студеныхъ садахъ, въ тишинѣ темноты,
Цѣпентя, блѣдютъ цветы.
Дотянулся до льда несвободный цветокъ,
Но на воздухъ онъ выйти не могъ.

И въ душѣ у меня хорошо и свѣтло.
Что-то къ сердцу отъ сердца дошло.
О, зеленый цветокъ, ты дождешься весны,
Подожди въ тишинѣ глубины.

Если даже теперь и пронзилъ бы ты ледъ,
Этотъ воздухъ расцвѣть твой убьетъ.
О, прекрасный цветокъ, подожди до весны,
Ты увидишь всѣ лучшіе сны.

БѢЛЫЙ АНГЕЛЪ.

Отъ дѣтскихъ дней одна черта плѣнила
Моя мечты, въ чьихъ звягахъ таялъ сонъ,
Въ глаза печальный отблескъ заронила,
Въ мой умъ вошла какъ дальний тихій звонъ.

Мнѣ снился грустный ангелъ, блѣоспѣшный,
Съ улыбкой сожалѣнія въ глазахъ,
Я съ нимъ дышалъ одной печальною нѣжкостью,
Я видѣлъ блѣдныи Рай въ его слезахъ.

Онъ меѣ явился въ разныя мгновенія,
И свѣтъ храни я этихъ бѣглыхъ встрѣчъ.
Есть проблески, которымъ нѣть забвенья,
Есть взглядъ безъ словъ, его не молкнетъ рѣчъ.

Любиль—еще люблю я—неземное,
Умъ сердца—лучъ холодному уму,
Я вѣрю въ Небо, синее, родное,
Гдѣ ясно все неясное пойму.

Съ небеснымъ я душой не разлѣчаюсь,
И, встрѣтивъ чай-нибудь глубокій взоръ,
Я съ тимъ, я съ Бѣлымъ Ангеломъ встрѣчаюсь,
Таинственнымъ и близкимъ съ давнихъ поръ.

БЛАГОВѢЩЕНЬЕ ВЪ МОСКВѢ.

Благовѣщенье и свѣтъ,
Вербы забѣлѣли.
Или точно горя нѣть,
Право, въ самомъ дѣлѣ?

Благовѣстіе и смѣхъ,
Закраснѣлись почки.
И на улицахъ, у всѣхъ
Синіе цвѣточки.

Сколько синепѣкіихъ цветковъ,
Отпятыхъ у снѣга.
Снова міръ и свѣжъ и новъ,
И повсюду нѣга.

Вижу старую Москву
 Въ молодомъ уборѣ.
 Я смысью и я живу,
 Солнце въ каждомъ взорѣ.

Отъ старицнаго Кремля
 Звонъ плынетъ волнамъ.
 А во рвахъ живетъ земля
 Молодой травою.

Въ чуть пробившеся травѣ
 Сонъ весны и лѣта.
 Благовѣщенѣе въ Москвѣ,
 Это праздникъ свѣта!

Я НЕ ЗНАЮ МУДРОСТИ.

Я не знаю мудрости, годной для другихъ,
 Только мимолетности я влагаю въ стихъ.
 Въ каждой мимолетности вижу и міры,
 Полные измѣнчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Чѣмъ вамъ до меня?
 Я вѣдь только облачко, полное огня.
 Я вѣдь только облачко. Видите: Плыту.
 И зову мечтателей... Васъ я не зову!

ЕСТЬ ЛЮДИ...

Есть люди: мысли ихъ и жесты
 До оскорбительности ясны.
 Есть люди: ихъ мечты—какъ тихія невѣсты,
 Они непознанно-прекрасны.

Есть люди—съ голосомъ противнымъ,
Какъ рѣзкій жесткій крикъ шакала.
Есть люди—съ голосомъ глубокимъ и призывающимъ,
Въ которомъ Вѣчность задремала.

О, жалокъ тотъ, кто носить крики
Въ своей душѣ, всегда смущеннай.
Блаженъ, съ кѣмъ говорять негаснущіе линки,
Его душа—какъ лебедь сонный.

ГОЛУБАЯ РОЗА.

Фирвальдштетское озеро—Роза Вѣтровъ,
Подъ вѣтрами колышутся семь лепестковъ.
Эта роза сложилась межъ царственныхъ горъ
Въ изумрудно-лазурный узоръ.

Широки лепестки изъ блестающикъ водъ,
Голубая мечта, въ нихъ качаясь, живетъ.
Подъ вѣтрами встаетъ цветовая игра,
Принимая налетъ серебра.

Для кого расцвѣла ты, красавица водъ?
Этой розы никто никогда не сорветъ.
Въ водяной лепестокъ—лишь глядится живой,
Этой розѣ дивясь міровой.

Горы встали кругомъ, въ снѣгѣ рады цветамъ,
Юной Дѣвой одна называется тамъ.
Съ этой Дѣвой далекой ты слинта Судьбой,
Роза-влага, цветокъ голубой.

Вы рано замечтались о горной веснѣ,
 Ваша мысль—въ голубомъ, ваша жизнь—въ бѣлизнѣ.
 Дѣва бѣлыя снѣговъ, голубыхъ ледниковъ,
 Какъ идеть къ тебѣ Роза Вѣтровъ!

МЕРРЕКЮЛЬ.

Вѣтры тихіе безмолвны.
 Отчего же плещутъ волны,
 И несутся въ перебой?
 Имъ бы нужно въ часъ вечерній
 Бѣться, лягтися равномѣрнѣй,
 А межъ тѣмъ ростетъ прибой.

Отчего же?—Тамъ далеко,
 Въ безднахъ блѣднаго Востока,
 Свѣтить пышная Луна.
 А направо, точно лава,
 Солнце свѣтить величаво,
 И подъ нимъ кипитъ волна.

Въ мигъ предсмертный, въ часъ заката,
 Солнце красное богато
 Поразительнымъ огнемъ.
 Но волна въ волну плеснула,
 И, призвавъ Луну, шепнула:
 „Мы теперь сильнѣй, чѣмъ днемъ“.

И межъ тѣмъ какъ факелъ красный,
 Въ отдаленности пеясной,
 Будеть тлѣть и догорать,
 Ликъ Луны, во мглѣ безбрежной,
 Будеть, властный, будеть, нѣжный,
 Надъ волнами колдоватъ.

КОРОМЫСЛО.

Коромысло, коромысло,
 Съ нѣжными крылами,
 Какъ оно легко повисло
 Въ воздухѣ надъ нами.

Прилетасть, улетасть,
 Въ ласковой лазури.
 Для него она рождаетъ
 Блески, а не бури.

Коромысло, коромысло,
 Почему мы пльны?
 Если бъ знать, какія числа
 Для тебя священны.

Наши числа приковали
 Насъ къ земѣ угрюмой,
 И въ просторахъ вольной дали
 Мы скользимъ лишь думой.

Но и въ думахъ мало смысла,
 Тяжесть въ нихъ земная.
 Ты же грезишь, коромысло,
 Въ воздухѣ летая.

ЛЪСНАЯ ЛИЛИЯ.

СОНЕТЬ.

Надъ гладью зеркальной лѣсного затона,
 Вся бѣлая, лилія дремлетъ одна.
 Мерцаеть во мглѣ, а съ высотъ небосклона
 Къ ней сходить въ сіяннѣ Луны типина.

И лилія жаждетъ небеснаго сна,
Не знала ни жалобъ, ни вздоха, ни стона,
Безбожно мечтаетъ и любить она,
Надъ влагой глубокой ночного затона.

Безмолвно блѣдѣть, и вотъ въ полуснѣ
Ей видится небо, просторъ безконечный,
Тамъ ангелъ съ неистой идетъ въ вышинѣ.

Коверъ облачковъ разстилается млечныи,
И лилія дышать въ воздушномъ огнѣ.
Какъ льнетъ къ ней, идетъ къ ней нарядъ подънечныи!

СНѢЖИНКА.

Свѣтло-пушистая,
Снѣжинка бѣлая,
Какая чистая,
Какая смѣлая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не въ высь лазурию,
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя въ безвѣтную
Страну низринула.

Въ лучахъ блистающихъ
Скользитъ, умѣлая,
Средь хлопьевъ тающихъ
Сохранно-бѣлая.

Подъ вѣтромъ вѣющимъ
Дрожитъ, взметается,
На немъ, лелѣющемъ,
Свѣтло качается.

Его качелями
Она утышена,
Съ его маятелями
Крутится бѣшено.

Но вотъ кончается
Дорога дальняя,
Земли касается
Звѣзда кристальная.

Лежитъ пушистая,
Сиѣжинка смѣлая.
Какая чистая,
Какая бѣлая!

РУЧЕЕКЪ.

Ручеечекъ, ручеекъ,
Ты какъ пинточка идешь.
Подъ тобой блестить песокъ,
Весель ты, хоть неглубокъ,
Ручеечекъ, ручеекъ,
Ты уходишь и поешь.

Словно дѣвушка-дитя,
Въ маломъ зеркальцѣ твоемъ,
Кудри въ косы заплетя,
Травка смотрится, блестя,
Съ ней журчаніемъ шутя,
Ты идешь своимъ путемъ.

Вьются пчелы межъ стеблей,
 Прогудить мохнатый шмель.
 Ты бѣжишь скорѣй, скорѣй,
 Вдругъ неволя—средь камней,
 Вспѣялся, авонче, веселѣй,
 Зажурчишь ты: „Мель, мель, мель!“

Нѣть, не смогутъ голыши
 Въ мель сложиться ручейку.
 Въ травяной, въ лѣсной глуши,
 Онъ, исполненный души,
 Самъ себѣ поетъ: „Спѣши!“
 И змѣится по песку.

Можетъ, онъ впадетъ въ рѣку,
 Съ ней до Моря дотечеть,
 Будетъ лынуть тамъ къ членоку.
 Можетъ, онъ въ своемъ лѣску
 Будетъ течь подъ крикъ: „Ку-ку“,
 Что кукушка людямъ шлетъ.

Можетъ, къ мельницѣ придеть,
 Но ужъ питочку свою
 Онъ до цѣли доведеть,
 Онъ не медлить, онъ не ждетъ,
 Къ колесу, блеснувъ, полетъ,
 Закрутить свою струю.

Неширокъ ты, ручеекъ,
 Неглубокъ ты,—ну такъ что жъ!
 Всѣмъ—свой разумъ, всѣмъ—свой срокъ,
 Ты прекрасенъ былъ, чѣмъ могъ.
 Ручеечекъ, ручеекъ,
 Ты бѣжишь и ты поешь.

БОЖЬЯ НЕВѢСТА.

Розъ дремлется, не спится,
Серебрится въ ней роса.
Съ Неба дальняго струится
Первыхъ блесковъ полоса.

Тѣмъ сіяніемъ перевита,
Въ круглый храмъ свой—лучъ принялъ.
Капля влаги, съ Небомъ слита,
Розу нѣжитъ между травъ.

Капля ласковая блещетъ,
Переливна въ ней игра,
Въ ней дрожаніе трепещетъ
Брилліантовъ, серебра.

Въ часъ разсвѣта розъ алой
Быть прекрасною дано,
Для невѣсты каплей малой
Ожерелье сплетено.

И она подъ взоромъ Бога
Розовѣтъ, какъ мечта.
Вся небесная дорога
Блескомъ Солнца залита.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА.

Въ замкѣ былъ веселый балъ,
Музыканты пѣли.
Вѣтерокъ въ саду качалъ
Легкия качели.

Въ замѣ, въ сладостномъ бреду,
Пѣла, пѣла скрипка.
А въ саду была въ пруду
Золотая рыбка.

И кружились подъ Луной,
Точно вырезныя,
Опьяненная Весной,
Бабочки ночныхъ.

Прудъ качалъ въ себѣ вѣзды,
Гнулись травы гибко.
И мелькала тамъ въ пруду
Золотая рыбка.

Хоть не видѣли ея
Музыканты бала,
Но отъ рыбки, отъ нея,
Музыка звучала.

Чуть настанетъ тишина,
Золотая рыбка
Промелькнетъ, и вновь видна
Межъ гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучить,
Пѣсня раздается.
И въ сердцахъ Любовь журчить,
И Весна смѣется.

Взоръ ко взору шепчетъ: „Жду!“
Такъ светло и зыбко.
Оттого, что тамъ въ пруду—
Золотая рыбка.

ЛИНИИ СВѢТА.

Длинные линии света
 Ласковой дальней Луны.
 Дымкою Море одѣто.
 Дымка—рожденье волны.

Волны, ленты, сплетаютъ
 Свѣтлая пряди руна.
 Хлопья плывутъ—и растаютъ,
 Новая встанетъ волна.

Новую линію блеска
 Вытянетъ ласка Луны.
 Сказка сверканий и плеска
 Зыбью дойдетъ съ глубины.

Влажная пропасть сольется
 Съ бездной зеирныхъ высотъ.
 Таинство Небомъ дается,
 Слитность—зеркальностью водъ.

Есть полногласность отвѣта,
 Только желай и зови.
 Длинные линіи света
 Тянутся къ намъ отъ Любви.

МГНОВЕНЬЯ СЛІЯНІЯ

And was not this enough?
They met, they parted.

Shelley

КАКЪ ПРИЗРАКЪ.

Я прихожу какъ призракъ, я ухожу какъ тѣнь,
Я полонъ тайнъ какъ вечеръ, я весь огонь какъ день.

Ты мнѣ была желанна всего одинъ лишь мигъ,
Но вдругъ воскресъ—такъ странно—въ моей душѣ твой ликъ.

Я былъ тобою счастливъ, ты мнѣ была близка,
Мы были виѣ предѣловъ, мы были два цѣтка.

И ты едва ли знала, что ты была моей,
А мнѣ шептали мысли: „О, какъ ты счастливъ съ нею!“

Твой духъ свѣтло-прозрачный весь погруженъ былъ въ сонъ,
А мой, нѣжній, смѣлѣ, былъ въ этотъ сонъ влюбленъ.

Я твой опять, безплотно. Смотри, какъ иѣженъ день.
Я вновь пришелъ, какъ призракъ. Я вновь уйду, какъ тѣнь.

ИЗЪ-ПОДО ЛЬДА.

Быть можетъ, не было у насть
Весны воздушно-молодой,
Когда полдневный свѣтить часъ
Надъ просвѣтленною водой.

Весна плѣнительно-нѣжна
Для двухъ влюбленно-молодыхъ,
Когда себѣ поетъ она
Лѣсной протяжный слитный стихъ.

Мы жили розно въ тѣ года,
Мы были розно и потомъ.
Но никогда, о, никогда
Цвѣтокъ не стыниеть подо льдомъ.

Онъ ждетъ, подъ блѣдной чарой сна,
Чтобъ, совершивъ круговоротъ,
И для него пришла весна,
И для него раскрылся годъ.

Онъ ждетъ, въ признателной мечтѣ,
Чтобы ледъ разрушилъ звена,
И чтобы запѣли въ высотѣ
Созвучья пѣсень и огня.

Смотри, смотри: Идетъ весна,
Намъ свѣтить Солнце съ высоты.
Ты миѣ павѣки предана,
Я твой павѣкъ. Мы—цвѣты.

ЛУННАЯ СОНATA.

1.

Моя душа озарена
И Солнцемъ и Луной,
Но днемъ въ ней дышать тишина,
А ночью рдѣть зной.

И странно такъ, и странно такъ,
Что Солнце холодить.
И учить ласкамъ полумракъ,
И страсть во тьмѣ горить.

Сверкая, ширятся зрачки,
И льнутъ уста къ устамъ.
За радость сладостной тоски
Я все, о, все предамъ.

А глянеть Солнце, я опять
И холodenъ и тихъ,
Чтобъ почюю слова повторять
Влюбленный въ ласки стихъ.

Моя душа увлечена
Не Солнцемъ, а Луной.
Побудь во мглѣ, и будь иѣжна,
Ты все поймешь со мной.

2.

Луннымъ лучомъ и любовью сияющие,
Бѣдные, страстные, пѣжные, странные,
Оба мы замерли, счастiemъ скованы,
Сладостнымъ, радостнымъ сномъ зачарованы.

Въ Небѣ—видѣнія облачной млечности,
Тайное пѣніе—въ сердцѣ и въ Вѣчности,
Тамъ, въ безкапечности—свѣтъ обалнія,
Праздникъ вліянія правды сліянія.

Это Луна ли, съ покровами бѣлыми,
Быть намъ велѣла влюблеными, смѣлыми?
Мы ли, сердцами влюблеными нашими,
Небо наполнили пирными чашами?

Чашами радости, свѣтлыми, пирными,
Луною сказкой, цветами всемирными,
Сердцу лишь слышными звонкими струами,
Блескомъ зрачковъ, красотой, поцѣлуями.

Какъ я узнаю и какъ я развѣдаю?
Знаю, что счастливъ я нѣжной побѣдою,
Знаю, ты счастлива мною, желанная,
Вольной Луною со мною вѣнчанная.

3.

О, магъ изѣнительный, когда всемирно дышитъ,
Невозмутимая зѣсная тишина,
И мы съ тобой вдвоемъ, и сердце, дрогнувъ, слышитъ,
Какъ льеть тебѣ и мнѣ свой нѣжныи свѣтъ Луна.

Успокоятельно бѣлѣя надъ холмами,
Рождастъ свѣжестью росу для травъ лѣсныхъ,
Глядѣть, безстрастна, и ворожить надъ нами,
Впушая мысли намъ, пѣвучія какъ стихъ.

Мы зачарованы, мы, нѣжно холодѣя,
Другъ съ другомъ говоримъ воздушностью мечты,
Леѣя тишину, и, чуткіе, не смѣя
Нарушить ласкою безгласность Красоты.

4.

Вечерній часъ потухъ. И тѣнь ростетъ все шире.
Но сказкой въ насы возвинкъ иной неясный свѣтъ,
Мнѣ чудится, что мы съ тобою въ авѣздномъ мірѣ,
Что мы среди нѣмыхъ загрезившихъ планетъ.

Я такъ тебя люблю. Но въ этотъ часъ предчувствий,
Когда предчувствіемъ волнуется волна,
Моя любовь ростетъ, какъ рокотъ многострунныи,
Какъ многогѣвная морская глубина.

Миръ отодвинулся. Надъ нами дышитъ Вѣчность.
Морская ширь живеть вліяніемъ Луны.
Я твой, моя любовь—бездонность, бесконечность,
Мы отъ всего съ тобой свѣтло отдѣлены.

УТРО.

На вершинѣ горной коршунъ прокричалъ,
Вѣтеръ этотъ взглагасъ до меня домчаль,
Я разсвѣть весенній не одинъ встрѣчалъ.

Солнце протянуло острые лучи,
И они зардѣли, ярко-горячи,
И отъ нихъ запѣли горные ключи.

О, какъ много силы и любви вокругъ,
О, какъ иѣжно млѣтъ этотъ горный лугъ,
Я съ тобой душою, мой далекій другъ.

Я гляжу въ долину съ горной высоты,
Въ мысляхъ, полныхъ страсти, расцвѣти цвѣты,
Въ этомъ мірѣ—Солнце, въ этомъ сердцѣ—ты.

ЖЕМЧУГЪ.

1.

Нѣжныи жемчугъ, Маргарита,—
Какъ поютъ въ испанскхъ пѣсняхъ,—
Пѣли ангелы на Небѣ
Въ день рожденія твоего.

Пѣли ангелы и птицы,
И цвѣли въ садахъ гвоздики,
Распускались, раскрывались
Въ блескѣ Солнца чаши розъ.

Оттого лицомъ красивымъ
Ты на ангеловъ похожа,
И уста твои гвоздики,
Нѣжныи голось—пѣнья птицъ.

И мечтанья—свѣтлый жемчугъ,
Оттѣненный розой алой,
И глаза твоя—какъ Небо,
Гдѣ бездонна глубина.

2.

Миѣ радостно видѣть, что въ сердцѣ моемъ
Есть пѣжность безъ жадныхъ желаній,
Что въ эту минуту, когда мы, вдвоемъ,
Какъ будто безгласную пѣсню поемъ,
Такъ тихо въ восторженномъ сердцѣ моемъ,
Такъ много нѣмыхъ обаяній.

Ты свѣтлая радость воздушного сна,
 Восторгъ, но восторгъ не влюбленный,
 Ты мнѣ на мгновеніе, какъ сказка, дана,
 О, какъ ты спокойна, какъ стройно-нѣжна,
 Минута, и вотъ убѣгаешьъ волна,
 И я ухожу просвѣтленный.

3.

Паутинка сентябрьскаго дня,
 Ты такъ нѣжно плѣняешьъ меня.
 Какъ живешьъ ты, подъ Солнцемъ блестая,
 Какъ ты свѣтишься—всѧ золотая!

Паутинка сентябрьскаго дня,
 Ты блестишь далеко отъ меня.
 Но со мной ты на выжатомъ полѣ,
 Ты со мною—подъ Солнцемъ, на волѣ.

4.

Я хотѣлъ бы дышать блескѣйнымъ цвѣткомъ,
 Но въ душѣ лепестки раскрываются алые.
 О, мой другъ, я съ твоей близкой незнакомъ.
 Я мерцаю раскрытымъ и страстнымъ цвѣткомъ.
 Я люблю упоенія любви, запоздалыя.
 И въ душѣ у меня, еле слышно звеня,
 Сквозь восторгъ раздаются упреки усталые.

КЪ ЕЛЕНѢ.

О, Елена, Елена, Елена,
 Какъ видѣнье, явись мнѣ скорѣй.
 Ты блѣдна и прекрасна, какъ пѣна
 Озаренныхъ Лукою морей.

Ты мечтою открыта для свѣта,
 Ты душою открыта для тьмы.
 Ты извѣски свободное лѣто,
 Никогда не узнаешь зимы.

Ты для мрака открыта душою,
 Но во тьмѣ ты мерцаешь какъ свѣть.
 И, прозрѣвъ, я извѣски съ тобою,
 Я твой рабъ, я твой братъ, и поэтъ.

Ты сумѣла сказать мнѣ безъ рѣчи:—
 Съ красотою красиво живи,
 Полюби эту грудь, эти плечи,
 Но, люби, полюби безъ любви.

Ты сумѣла сказать мнѣ безъ слова:—
 Я свободна, я вѣчно одна,
 Какъ роптаніе моря ночного,
 Какъ на небѣ вечернемъ Луна.

Ты правдива, хотя ты измѣна,
 Ты и смерть, ты и жизнь кораблей.
 О, Елена, Елена, Елена,
 Ты красивая пѣна морей.

ПѢСНЯ АРАБА.

Есть странная пѣсня араба, чье имя—ничто.
Мнѣ сладко, что этотъ поэтъ межъ людей незавѣстенъ.
Не каждый изъ настъ такъ правдивъ и спокоенъ и честенъ,
Намъ хочется жить—ну, хоть тысячу лѣтъ, ну, хоть сто.

А онъ, сладкозвучный, одну только пѣсню пропѣлъ,
И, выразивъ тайно свою одинокую душу,
Какъ валь Океана, домчался на блѣдную сушу,
И умеръ какъ пѣна, въ шпой удалившись предѣль.

Онъ пѣлъ: „Я любилъ красоту. А любила ль она,
О томъ никогда я не зналъ, никогда не узнаю.
За первую встречей къ иному умчался я краю,
Такъ Небо хотѣло и такъ повелѣла Луна.

„Прекрасная дѣва на лютнѣ играла, какъ духъ,
Прекрасная дѣва смотрѣла глазами газели.
Ни слова другъ другу мы съ нею сказать не успѣли,
Но слышало сердце, какъ былъ зачарованъ мой слугъ.

„И взглядъ мой унесъ отраженье блестающихъ глазъ.
Я прожилъ пять лѣтъ близъ мечетей Валата-Могита.
Но сердцемъ владычица думъ не была позабыта.
И волей созвѣздій второй мы увидѣлись разъ.

„Я встрѣтилъ другую. Я долженъ спросить былъ тогда,
Она ли вотъ эта. Все же сердце ее разглядѣло.
И счастливъ я былъ бы, когда бы она захотѣла.
Но, слова не молвивъ, она отошла навсегда.

„Мнѣ не въ чемъ ее упрекнуть. Мы не встрѣтимся вновь.
Но мнѣ никогда общанья она не давала.
Она не лгала мнѣ. Такъ развѣ же это такъ мало?
Я счастливъ. Я счастливъ. Я зналъ, что такое любовь!”

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЦВЕТОКЪ.

Любовь есть свѣтъ, что сходитъ къ намъ оттуда,
Изъ царства авѣздъ, съ лазурной высоты,
Она въ насы будить жажду чуда
И красоты.

И красота есть лучъ, который тонеть,
Вдали отъ Солнца, въ сумракѣ тѣней,
Когда опо его уронить
Въ умы людей.

И, если духъ людской пропизанъ свѣтомъ,
Что шлетъ ему небесная звѣзда,
Онъ жадно мчится за отвѣтомъ,
Туда, туда.

ЗВѢЗДА ЗВѢЗДЫ.

Мнѣ звѣзды разсказали: „Любви па небѣ нѣть“.
Я звѣздамъ не повѣрилъ. Я счастливъ. Я поэтъ.

Какъ сонъ тебя я вижу, когда влюбленный сплю,
И съ грезой просыпаюсь и вновь тебя люблю.

Не въ царственныхъ пространствахъ, гдѣ дышитъ Орионъ,
Не тамъ, гдѣ блещетъ Вега, мой снѣтливый небосклонъ.

Въ твоихъ глазахъ я вижу бессмертную мечту,
Бессмертие сознанья, любовь, и красоту.

И воть въ пустыняхъ неба не свѣтится Луна,
Ты вѣчность побѣдila, ты царствуешь одна.

Звѣздѣ—звѣздой влюбленной—я шлю свой лучъ живой,
Съ тобой навѣкъ далекій, теперь навѣкъ я твой.

* * *

Прекрасны улицы съ толпой,
Волшебельъ праздничный нарядъ.
Но какъ прекраснѣй—быть съ тобой,
Ропяя взглядъ въ глубокій взглядъ.

Прекрасно, кончивъ смѣлый бой,
Успеться нѣгой тишины.
Но какъ прекраснѣй—быть мольбой,
Быть крикомъ страсти и весны.

Прекрасенъ сумракъ голубой.
Но какъ прекраснѣй—въ яркій чашѣ
Увидѣть близко предъ собой
Зрачки влюбленныхъ женскихъ глазъ.

ПЕЧАЛЬ ЛУНЫ.

1.

Я вижу въ мысляхъ белую равнину,
Вокругъ Замка Джонъ Вальморъ.
Тебя своей мечтой я не покину,—
Какъ мнѣ забыть твой взоръ!

Поблекла осень съ красками пожара,
 Лежитъ сѣдой покровъ.
 И, блѣдная, на всемъ застыла чара
 Невысказанныхъ словъ.

Все счастіе, вся сладостная ложность
 Живыхъ цвѣтовъ и травъ
 Въ безмолвную замкнулась невозможность,
 Блаженство потерявъ.

Заклятьемъ неземного чародѣя
 Окована земля.
 Въ отчаяннѣ бѣзъять, холода,
 Безбрежныя поля.

И мертвю Лулой завороженный,
 Раскинулся просторъ.
 И только бродить вѣтеръ возмущенный
 Вокругъ Замка Джэнъ Вальморъ.

2.

Дни убѣгаютъ, какъ тѣни отъ дыма,
 Быстро, безслѣдно, и волнообразно.
 Въ сердцѣ моемъ ты ледѣйно хранима,
 Въ сердцѣ моемъ ты всегда неотвязно.

Нѣть мнѣ забвенья о блескѣ мгновенья
 Грустно-блаженной услады прощанья,
 Непогасимыхъ лучей откровенія,
 И недосказанныхъ словъ обѣщанья.

Тѣни мѣняются—звѣзды все тѣ же,
 Годы растратятся—небо все то же.
 Радости свѣтить намъ рѣже и рѣже,
 Съ каждымъ мгновеніемъ ты сердцу дороже.

Какъ бы хотѣлось увидѣть мнѣ снова
 Эти глаза, съ ихъ отвѣтнымъ сіяньемъ,
 Нѣжно шепнуть несравненное слово,
 Вѣчно звучащее первымъ призываньемъ.

Тихія, тихія, тучи сѣдые,
 Тихія, тихія, сонные дали,
 Вы ей павѣйте мечты золотыя
 И о моей разскажите печали.

Вы ей скажите, что грустно и нѣжно
 Тѣнь дорогая душою хранима,
 Въ шумѣ прибоя, что ропщетъ безбрежно
 Бурями пламени, звуки, и дыма.

3.

Ты мнѣ была сестрой, то нѣжною, то страстной,
 И я тебя любилъ, и я тебя люблю.
 Ты призракъ дорогой... блѣднѣющій... неясный...
 О, въ этотъ лунный часъ я о тебѣ скорблю!

Мнѣ хочется, чтобъ Ночь, раскинувшая крылья,
 Воздушной тишиной соединила насъ.
 Мнѣ хочется, чтобъ я, исполненный безсилья,
 Въ твои глаза струилъ огонь влюбленныхъ глазъ.

Мнѣ хочется, чтобъ ты, вся блѣдная отъ муки,
 Подъ лаской замерла, и цѣловать бы я
 Твое лицо, глаза, и маленькия руки,
 И ты шепнула бъ мнѣ: „Смотри, я вся—твоя!“

Я знаю, всѣ цветы для насъ могли возникнуть,
 Во мнѣ дрожитъ любовь, какъ лунный лучъ въ волнѣ.
 И я хочу стонать, безумствовать, воскликнуть:—
 „Ты будешь навсегда любовной пыткой мнѣ!“

4.

Мнѣ видится безбрежная равнина,
Вся бѣлая подъ сѣжной пеленой.
И тамъ, вверху, застывшая какъ льдина,
Горитъ Луна, ледяя міръ ночной.

И чудится, что между ними—сказка,
Что между ними—таинство одно.
Безмолвна ихъ безтреветная ласка,
И холодно любить имъ суждено.

О, мертвое прекрасное Сѣтило.
О, мертвые безгрѣшные спѣга.
Мечта моя, я помню все, что было,
Ты будешь вѣчно сердцу дорога.

РАЗЛУЧЕННЫЕ.

1.

Розоватый свѣтъ заката озаряетъ облака,
И волною просвѣтленной плещеть сонная рѣка.
Еле плещеть, еле дышитъ просвѣтленная волна,
Точно чувствуетъ и слышитъ, что подходитъ тишина.

Другъ желанный, одинокій, о тебѣ моя печаль,
Я одинъ въ странѣ далекой, и тебя мнѣ сердцемъ жаль.
Я, какъ ты, не знаю ласки, сохраняю поцѣлуй,
Въ часъ, когда мнѣ шепчетъ сказки еле слышный лепетъ струй.

Если бъ намъ убить пространство, другъ мой, другъ мой, сонъ мечты,
 Я бъ съ тобой устами слился, какъ со мной слилась бы ты.
 Мы бы вмѣстѣ проникались этой стройной тишиной,
 Ты со мной бы чуть шепталась, какъ въ рѣкѣ волна съ волной.

2.

Провенить ли вдали колокольчикъ,
 Колокольчикъ, во мглѣ убѣгающій,—
 Догораетъ ли Мѣсяцъ за тучкой,
 Тамъ за тучкой, блѣднющей, тающей,—

Наклонюсь ли я, полный печали,
 О, печали глубоко-мучительной!—
 Надъ водой, надъ рѣкой безглагольной,
 Безглагольной, безгласной, томительной,—

Предо мною встаешь ты, родная,
 Ты, родная и въ сердцѣ хранимая, —
 Вдругъ я вижу, что ты не забыта,
 Позабытая, горько-любимая.

ТѢНЬ.

Ты въ жизни проходишь безучастною тѣнью,
 И вѣчно опущенъ твой взоръ.
 Ты сердцемъ уходишь къ неземному селенью,
 Ужъ тамъ—съ незапамятныхъ поръ.

Тебя повстрѣчалъ я на великой дорогѣ,
 Ведущей въ безвѣстную даль.
 И мнѣ показалось—мы стоимъ на порогѣ,
 Чего-то обоимъ памъ жаль.

И мнѣ показалось,—и, быть можетъ, обманно,
 Быть можетъ, съ правдивостью сна,—
 Другъ другу мы близки, такъ воздушно и странно,
 Такъ иѣжно ты мнѣ суждена.

Мы думали оба, и мы оба молчали,
 Но вдругъ приподнявши свой взоръ,
 Ты молча сказала о предѣтной печали,
 Я другъ твой, я братъ твой съ тѣхъ поръ.

И если бъ была ты не безстрастною тѣнью,
 И если бъ не сказкой былъ сонъ,
 Я отдалъ бы сердце роковому томлению,
 Но въ сказку, я въ сказку влюбленъ.

* * *

Когда я былъ мальчикомъ, маленькимъ, пѣжимъ,
 Былъ кротокъ мой взоръ и глубокъ.
 Ты знаешь, что утромъ, предъ Моремъ безбрежнымъ
 Горить золотистый песокъ?

Когда я былъ юношей, ребячимъ и страннымъ,
 Я вѣтчной былъ полонъ тоской.
 Ты знаешь, что вечеромъ, въ свѣтѣ туманномъ,
 Русалки поютъ надъ рѣкой?

Когда я сталъ страстнымъ, желаннымъ и властнымъ,
 Цѣлую я всѣхъ на пути.
 Ты знаешь, что почю, въ туманѣ пейсномъ,
 Такъ страшно, такъ страшно идти?

МАСКИРОВАННЫЙ ВАЛЬ.

No visto en flor.
Испанская поговорка.

О, цветы красоты! Вы съ какой высоты?

Въ васъ неясная страстная чара.

Пышный валь заблисталь, и ликуют мечты,

И воздушная кружится пара.

— „Не живи какъ цветокъ. Онъ живеть краткій срокъ,
Отъ утра и до вечера только.

Такъ прожить—много ль жить? Жизнь его лишь намекъ.

О, красивая нѣжная полька!“

„Лишь намекъ, говоришь. Но и самъ ты горишь,
Закружилъ ты свой бѣшеный танецъ.

Ты минуту живешь, и ты ложь мнѣ твердишь,

На минуту влюбленный испанецъ.

„Я живу какъ цветокъ, я дневной мотылекъ,
Я красивая нѣжная полька.

Я хоть часть, по живу, и глубокъ мой намекъ,
Ты мгновеніе кружишься только!“

„Что мгновеніе и часть для тебя и для насть,—
Разъ цветокъ, для чего же ты считаешь?

Ты цвети и гори. Если же вечеръ погасъ,

Говори, что какъ тучка растаешь.

„О, живи какъ цветокъ! Мнѣ отдай свой намекъ.
Мы продадимъ нашъ ликующій танецъ.

Не ропщи, трепещи, золотой мотылекъ,

Я безумно-влюбленный испанецъ!“

ПРОКЛЯТІЯ

Love that turns hate...

Shelley

ОТРЕЧЕНИЕ.

Красивы сочетанія свѣтиль,
Шѣнительна зеленая планета,
Гдѣ человѣкъ свой первый мигъ вкусила.

Въ пространствѣ многое воздуха и свѣта,
И каждый день, въ опредѣленный часъ,
Земля огнемъ рубиновыемъ одѣта.

Источникъ новыхъ мыслей не погасъ,
Источникъ новыхъ чувствъ горить всечасно,
И тотъ, кто любить, любить въ первый разъ.

Цвѣты цвѣтутъ, ихъ чаши дышать страстно,
Желания ихъ цвѣтные лепестки,
И роскошь ихъ оттѣнковъ полновластна.

Безгласное теченіе рѣки
И призрачно-зеркальныя озера
Внушаютъ больше иѣги, чѣмъ тоски.

Вершины горъ—пьянящій пиръ для взора,
Бессмертно-сѣжъ безбрежный океанъ,
И что иѣжнѣе пѣниаго узора.

Прекрасна разность всѣхъ различныхъ странъ,
Просторны и равнины и провалы,
Въ миражѣ обольстителенъ обманъ.

И губы женщины ласковы и алы,
И ярки мысли избранныхъ мужчинъ,
Но такъ какъ вся въ свой смертный часъ устала,—

И такъ какъ жизнь не попялъ ни одинъ,
И такъ какъ смысла я ея не знаю,—
Всю сметну дней, всю красочность картинъ,

Всю роскошь солнцъ и лунъ—я проклинаю!

ЗЛАЯ НОЧЬ.

Нѣть, Ночь! Когда душа, мечтая,
Еще невинно-молодая,
Блуждала—явное любя,
Казалось мнѣ, что ты—святая,
Но блекнуть чары, отпадая,—
Старуха, страшная, сѣдал,
Я отрекаюсь отъ тебя!

Ты вся—въ кошмарностяхъ, въ разорванныхъ мечтаньяхъ,
Въ стихийныхъ шорохахъ, въ лохмотьяхъ, въ бормотаньяхъ,
Шпионахъ любишь ты, и шепчать съ Ночью рабъ,
Твои долносчики—шуршанья змѣй и жабъ.

Ты рѣчь окольную съ больной душой заводишь,
И по трясинамъ съ ней, и по тоскѣ съ ней бродишь.
Распространяешь чадъ, злонѣшій сонъ и тиши,
Луну ущербную и ту гасить спѣшишь.

Проклятие душѣ, коли тебѣ повѣрить,
Всѣ разстоянья Ночь рукою черной мѣрить.
Рукою мертвую мѣшаешь все, мутить,
Пугаешь, мучашь, удавно шелестить.

Всю грязь душевную замѣсить, какъ слизь въ болотѣ,
Въ Раскальне ведеть, велитъ хлестать Заботѣ.
Прикинется, что другъ, заманить въ разговоръ,
И скажешь тѣ слова, въ которыхъ—смерть, позоръ.

Незабываемо-ужасныя признанья,
Что ждали искры лишь, толчка, упоминанья,
Чтобы проснуться вдругъ, и, раны теребя,
Когтистой кошкою нависнуть на тебя.

Ты хочешь сбросить гнетъ, не чувствовать, не видѣть,
Но для существъ иныхъ, все въ томъ, чтобы ненавидѣть,
Качаться страхами, силками изловить,
Дѣтуобѣйствовать, не отпускать, давить.

Что было точкою—гора, не опрокинешь,
И лапы чудища лежать, и ихъ не сдвинешь.
Глаза глядять въ глаза, ротъ близокъ, жаденъ... Прочь!
О, цепавистная, мучительная Ночь!

Послѣдней волею, упорной,
На мигъ отброшенъ Призракъ Черный,
Не знаемъ—какъ, не знаемъ—чей.
Въ аловѣщемъ Замкѣ Заключенъ—
Тяжелый вздохъ, и облегченье,
И блескъ испуганныхъ очей.
Страхъ тутъ, онъ здѣсь, но сталь онъ дальнимъ,
Въ молчаны темномъ и печальному,
Невольно долженъ умъ молчатъ.
Въ угрозѣ, въ мракѣ погребальномъ,
Весь міръ сталъ снова изначальнымъ,
Весь міръ—замкнутый домъ, и на замкѣ печать.

Вновь Хаосъ къ намъ пришелъ и воцарился въ мірѣ,
Сорвался разумъ міровой,
И миллионы лѣтъ въ Эенрѣ,

Окутанномъ угремою мглой,
Должны мы подчиняться гнету
Какой-то Власти неземной,
Непобедимую премоту
Вбирать, какъ чару Силы злой,
И видѣть всюду мракъ могильный,
И видѣть, какъ за слоемъ слой,
Покровъ чуть видимый, но пыльный
На разумъ падаеть бессильный,
И сѣть линнетъ надъ душой.

* * *

Онъ былъ изъ тѣхъ, на комъ лежитъ печать
Непогасимо-яркаго страданья,
Кто долженъ проклинать или молчать,
Когда звучатъ аккорды міроаданья.

Средь ликовъ, гдѣ прозраченъ каждый взглядъ,
Средь ангеловъ, поющихъ свѣтымъ хоромъ,
И вторящихъ свой вѣчный „Свѧть, свѧть, свѧть“,—
Онъ вспыхнулъ бы и гнѣвомъ, и укоромъ.

Нѣть, въ немъ сверкаль иной зловѣцій свѣть,
Какъ факель онъ горѣль на мрачномъ пирѣ:
Гдѣ есть печаль, гдѣ стонъ, тамъ правды нѣть,
Хотя бы красота дышала въ мірѣ.

„Отвѣта—сердцу, сердцу моему!“
Молилъ онъ, задыхаясь отъ страданья,
И демоны являлися къ нему,
Чтобъ говорить о тайнахъ міроаданья.

Онъ проклялъ Миръ, и вѣчно-одинокъ,
 Замкнулъ въ душѣ глубокія печали,
 Но въ пѣсняхъ онъ ихъ выразить не могъ,
 Хоть пѣсни побѣдительно звучали.

И полюбилъ онъ въ Мирѣ только то,
 Что замерло въ отчаянны молчанья:
 Вершины горъ, гдѣ не дышалъ никто,
 Беабрежность волшебства ихъ безъ названья.

Ночныхъ свѣтилъ неговорящій свѣтъ,
 И между нихъ, съ нихъ правильнымъ узоромъ,
 Паденіе стремительныхъ кометъ,
 Провалъ ночей, произенный метеоромъ.

Все то, что, молча, выносилъ свой гнетъ,
 Внезапной бурей грянетъ въ мигъ единый,
 Какъ чистый спѣгъ заоблачныхъ высотъ
 Стремится внизъ—губительной лавиной.

* * *

Я ненавижу человѣчество,
 Я отъ него бѣгу сиѣша.
 Мое единое отечество—
 Моя пустынная душа.

Съ людьми скучаю до чрезмѣрности,
 Одно и то же вижу въ нихъ,
 Жѣлаю случая, невѣрности,
 Влюблень въ движеніе и въ стихъ.

О, какъ люблю, люблю случайности,
 Внезапно взятый поцѣлуй,
 И весь восторгъ—до сладкой крайности,
 И стихъ, въ которомъ пѣвье струй.

НЕВЪРНОМУ.

1.

Когда бы я къ тебѣ не приходилъ,
 Ты былъ всегда неотразимо-цѣльнымъ,
 Властительнымъ, какъ голосъ изъ могилъ,
 Съ лицомъ волхва, какимъ-то запредѣльнымъ.

И я въ тебѣ искалъ нездѣшнихъ силъ.
 Но ты сталъ кроткимъ, тихимъ, колыбельнымъ?
 Зачѣмъ же ты Святынѣ измѣнилъ,
 Меня взманивъ обѣтомъ безпредѣльнымъ?

Скажи мнѣ, почему теперь, когда
 Тѣнь женщины съ тобою навсегда,
 Мне хочется—не говорить съ тобою,

А птицей, съ птицей, выхвативъ, любя,
 Ее, твою, исчезнуть отъ тебя,
 И хотать за бездной голубою?

2.

Невѣрный, ты наказанъ будешь мной,
 При всей моей любви къ глубокимъ взорамъ
 Твоихъ блестящихъ глазъ. О, духъ земной,
 Заэмнымъ ты украшенъ былъ уборомъ.

Ты высился авѣадою предо мной.
 Ты звалъ меня къ заоблачнымъ озерамъ,
 Къ тому, что вѣчно скрыто тишиной,
 Не создано, но встанетъ шумнымъ боромъ.

Какъ я любилъ читать въ твоихъ глазахъ
 Любовь къ любви, безъ женщины, безъ жизни,
 Какъ любить звуки звонко пѣть на тризне.

А! самовластникъ, въ замкѣ, на горахъ,
 Ты измѣнилъ непайденной Отчинѣ.
 Такъ жди меня. Я вихрь. Я смерть. Я страхъ.

РАЗЛИЧНЫЕ.

Въ настъ разно свѣтить откровеніе,
 И мы съ тобой не властны слиться,
 Хотя мы можемъ на мгновеніе
 Въ лучахъ одной мечты забыться.
 Не оскорбись, но оскорбленье
 Я нанесу тебѣ невольно.
 Мы два различныя явленья,
 Моей душѣ съ твою болѣю.

Ты, можетъ быть, мой братъ влюбленный,
 Но, братъ мой, ты мой врагъ заклятый.
 И я врываюсь, изстуленный,
 Въ твой дремотныя палаты.
 Ты—успокоенный и сонный,
 Ты ждешь такъ мудро надъ водою.
 А я—стихийно-разрѣшенній,
 Живу стремительной мечтою.

Ты изсушилъ источникъ жгучикъ
 Правдиво-яркихъ заблужденій.
 А я всегда среди пѣвучихъ
 Сирено-гибельныхъ видѣній.
 Ты—въ числахъ дробныхъ и тягучихъ,
 Ты весь—въ разсѣкленьяхъ Мира.
 Я—въ вѣчно-чувствующихъ тучахъ,
 Я—въ скоротечномъ блескѣ пира.

ДАЛЕКИМЪ БЛИЗКИМЪ.

Миѣ чужды ваши разсужденія:—
 „Христосъ“, „Антихристъ“, „Дьяволъ“, „Богъ“.
 Я вѣжныи иней охлажденія,
 Я вѣтерка чуть слышный вздохъ.

Миѣ чужды ваши восклицанія:—
 „Полюбимъ тьму“, „Воизлюбимъ грѣхъ“.
 Я причиняю всѣмъ терзанія,
 Но свѣтель мой свободный смѣхъ.

Вы такъ жестоки—помышленіемъ,
 Вы такъ свирѣпы—на словахъ.
 Я долженъ быть стихійнымъ геніемъ,
 Я весь въ себѣ—восторгъ и страхъ.

Вы раздѣляете, сливаете,
 Не доходя до бытія.
 Но никогда вы не узнаете,
 Какъ безраздѣльно цѣленъ я.

* * *

О, да, молитвенно душа,
 И я молюсь всему.
 Картина Mira хороша,
 Люблю я свѣтъ и тьму.
 Все, что приходитъ, то прошло,
 Въ воспоминаніи свѣтло
 Живуть добро и зло.

Но, чтобъ въ душѣ была волна
 Молитвенной мечты,
 Въ явленыи цѣльность быть должна,
 Должны въ немъ жить черты.
 Чѣмъ хочешь будь: будь добрый, злой.
 Но будь же честенъ за игрой,
 Явись—самимъ собой.

Пусть будетъ въ смерть твоя игра,
 Пусть ты меня убьешь,—
 Пойму, что мнѣ уйти пора,
 Пойму я все,—не ложь.
 Я только цѣльному молюсь,
 И вѣчно мерзки мнѣ, клянусь,
 Ханжа, глупецъ, и трусь.

СТАРАЯ ПЬСЕНКА.

*Mamma, mamma! perche le disseti?
— Figlia, figlia! perche le facesisti?
Нель веумирающехъ разговоровъ.*

Жили въ мірѣ дочь и мать.
„Гдѣ бы денегъ намъ достать?“
Говорила это дочь.
А сама — темнѣй, чѣмъ ночь.

„Будь теперь я молода,
Не спросила бъ я тогда.
Я бъ сумѣла ихъ достать“.
Говорила это мать.

Такъ промолвила се зла.
На минуту отошла.
Но на цѣлый вечеръ прочь,
Прочь ушла куда-то дочь.

„Дочка, дочка — Боже мой! —
Чтѣ ты дѣлаешь со мной?
— Испугалась, плачетъ мать.
Долго будеть дочку ждать.

Много времени прошло.
Быстро въ мірѣ ходитъ Зло.
Мать обмолвилась со зла.
Дочь ей денегъ принесла.

Шомертиѣла, смотрѣть мать.
„Хочешь деньги сосчитать?“
„Дочка, дочка — Боже мой! —
Чтѣ ты сдѣлала съ собой?“

„Ты сказала—я пошла”.
„Я обмолвилась со зла”.
„Ты обмолвилась,—а я
Оступилась, мать моя”.

къ случайной.

Опрокинулось Небо однажды, и блестящею кровью своей
Сочеталось, какъ въ брачномъ союзѣ, съ перемѣнною Влагой морей.
И на мигъ вѣроломная Влага съ этой кровью небесною слита,
И въ минутномъ сліяніи двухъ свѣтовъ появилась въ мірѣ Афродита.

Ты не знаешь старинныхъ преданій? Возмущаясь, дивишься ты
вновь,
Что я доисторенъ такъ, въроломенъ, что люблю я мечту, не
любовь?
Я ищу Афродиту. Случайной да не будетъ ни странно, ни вновь,
Почему такъ люблю я измѣну и цвѣты съ лепестками изъ крови.

一〇四

Чѣмъ выше образъ твой былъ воннесенъ во мнѣ,
Чѣмъ ярче ты жила какъ свѣтлая мечта,
Тѣмъ ниже ты теперь въ холодной глубинѣ,
Гдѣ рой морскихъ червей, гдѣ сонь, и темнота.

За то, что ты лгала сознанию моему,
За то, что ты была поддельная звезда,
Твой образъ навсегда я заключилъ въ тюрьму.
Тебъ прощенья нѣть. Не будешьъ. Никогда.

МАЛЕНЬКАЯ ПТИЧКА.

Маленькая птичка, что ты мнъ поешь?
Маленькая птичка, правду или ложь?

— Я пою, невѣрный, отъ души пою,
Про любовь и счастье, про любовь моя.—

Маленькая птичка, что въ ней знаешь ты?
Я большой и сильный, какъ мои мечты.

— Маленькое тѣльце любить какъ твое.
Глупый, въ этомъ правда, ты забылъ ее.—

Маленькая птичка, все же я большой.
Какъ же быть? Не знаю. Пой мнъ, птичка, пой!

ТАКЪ СКОРО.

Такъ скоро ты скавала:
„Нѣть больше спль монхъ“.
Мой милый другъ, такъ мало?
Я только началъ стихъ.

Мой стихъ, всегда побѣдный,
Жѣлаеть красоты.
О, другъ мой, другъ мой бѣдный,
Не отстрадала ты.

Еще я буду, въ пыткѣ,
Терзаться и терзать.
И долженъ въ длинномъ свиткѣ
Легенду разскказать.

Легенду яркой были
О томъ, что я—любовь,
О томъ, какъ мы любили,
Какъ любимъ вновь и вновь.

И вотъ твоихъ мученій
Хочу я какъ моихъ.
Я жажду пѣснопѣній,
Я только началъ стихъ.

ПРИЛИВЪ.

Морской приливъ ростеть, подъятый глубиной,
Валы заполнились—седьмой, восьмой, девятый.
Я чувствую тебя. Ты счастлива со мной.
Мы возрастающей надеждою богаты.
Мы сквачены волной.

Какъ полновзвучны сны и звоны Океана!
Стократъ воспѣтая, вся бездна поднялась.
Я слышу гулъ войны, спышащей изъ тумана,
Неумолимая толпа идетъ на насъ,
Всей силой вражескаго стана.

О, пѣниный блескъ воды, ты вспыхнулъ и погибъ.
Откинуть гулъ валовъ,—и на пескахъ размытыхъ
Лишь стебли травъ морскихъ, согнутыхъ вперегибъ,
Осколки раковинъ, приплывомъ позабытыхъ,
И трупы блѣдныхъ рыбъ.

ДОВОЛЬНО.

Я былъ вамъ звенищай струной,
 Я былъ вамъ цвѣтущей весной,
 Но вы не хотѣли цвѣтовъ,
 И вы не разслышали словъ.

Я былъ вамъ призывомъ къ борьбѣ,
 Для васъ я забылъ о себѣ,
 Но вы, не увидѣвъ огня,
 Оставили молча меня.

Когда жь вы порвали струну,
 Когда растоптали весну,
 Вы мнѣ говорите, что вотъ
 Онь авонко, онъ иѣжно поеть.

Но если еще я пою,
 Я помню лишь душу мою,
 Для васъ же давно я погасъ,
 Довольно мнѣ васъ.

МОИ ПРОКЛЯТИЯ.

Мои проклятия—обратный ликъ любви,
 Въ нихъ тайно слышится восторгъ благословенья,
 И нещавицтъ моя спѣшить, чрезъ утоленье,
 Опять, принять любовь, вожечъ пожаръ въ крови.
 Я прохляну тебя за низость обмелѣлья,
 Но радостно мнѣ знать, что мелкая рѣка,
 Принять мой сливъ и ледъ, вновь будетъ глубока,
 Когда огонь весны создастъ лучи и пѣнье.

Когда душа въ цѣпяхъ, въ душѣ кричить тоска,
И сердцу хочется къ безбрежному приволью.
Чтобъ разбудить раба, его я раню болью,
Хоть я душой нѣжнѣй рѣчного тростника.
Чу, пѣсня пронеслась по вольному раздолью,
Безумный блескъ волны, исполненной любви,
Какъ будто слышенъ зовъ: „Живи! Живи! Живи!“
То льды свѣтло звенять, отдавшись водополью.

БЕЗРАДОСТЬ

Come, darkness!

Shelley

БЕЗРАДОСТЬНОСТЬ.

СОНЕЦЬ.

Ми^х хочется безгласной тишины,
Безмолвія, безвѣтря, безстрастя.
Я знаю, быстрымъ сномъ проходить счастье,
Но пусть живутъ безрадостные сны.

Съ безрадостной бедоницой вышины
Глядить Луна, горятъ ея запястья.
И странно мнѣ холодное участье
Владычицы безжизненной страны.

Тамъ не звенять и не мелькаютъ пчелы.
Тамъ сиѣжные безвѣтринные долы,
Безъ аромата лѣистые цвѣты.

Безъ ропота безводныхъ пространства,
Безъ шороха вастившія убранства,
Безъ возгласовъ безмѣрность красоты.

ВОЗДУШНОСТЬ.

Какъ воздушно въ иѣжномъ сердцѣ у меня!
Чуть трепещутъ очертанія страстей,
Всѣ видѣнія оконченного дня,
Всѣ минутности предметовъ и людей,

Самого себя безплотнымъ двойникомъ
Вижу въ ясной успокленной водѣ.
Былъ себѣ я страннымъ другомъ и врагомъ,
Но ужь больше не найти себя нигдѣ.

Только тѣнь моя качается едва
Надъ глубокой зачарованной водой.
Только слышатся послѣднія слова
Нѣжной жалости о жизни молодой.

ПРОЩАНІЕ.

Далеко предо мною
Мерцаютъ маяки,
Надъ водной пеленою,
Исполненной тоски.

Наг҃ьво—пламень красный,
Направо—голубой.
Прощай, мой другъ прекрасный,
Прощаюсь я съ тобой.

Пльму я къ голубому
Прозрачному огню.
Къ нему, всегда живому,
Свой духъ я преклоню.

Той пристани прекрасной,
Гдѣ звонъ призывающихъ струнъ,
Гдѣ пламень ярко-красный,
Гдѣ царствуетъ бурунъ,—

Той сказкѣ позабытой
 Я горькій шлю привѣтъ,
 Мечтѣ моей изжитой
 Въ ней мѣста больше нѣть.

Я жажду прорицаній
 Застывшей тишины.
 Серебряныхъ мерцаній
 Чуть глянувшей Луны.

Я жажду голубого
 Небеснаго цвѣтка,
 Хочу родиться снова,—
 Приди ко мнѣ, тоска.

Тоска о жизни красной
 Внѣ бездны голубой...
 Прощай, мой другъ прекрасный,
 Прощаюсь я съ тобой.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ.

Есть въ Русской природѣ усталая нѣжность,
 Безмолвная боль затаенной печали,
 Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
 Холодная высь, уходящія дали.

Приди на разсвѣтъ на склонъ косогора,—
 Надъ зябкой рѣкою дымится прохлада,
 Чернѣеть громада застывшаго бора,
 И сердцу такъ болѣно, и сердце не радо.

Недвижный камышъ. Не трепещетъ осока.
Глубокая тишина. Безглагольность покоя.
Луга убѣгаютъ далеко-далеко.
Всемъ утомленье, глухое, нѣмое.

Войди на закатъ, какъ въ свѣжія волны,
Въ прохладную глушь деревенскаго сада.—
Деревья такъ сумрачно-странны-безмолвны,
И сердцу такъ грустно, и сердце не радо.

Какъ будто душа о желанномъ просила,
И сдѣлали ей незаслуженно-больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачетъ, и плачетъ, и плачетъ невольно.

ПОДНЕВОЛЬНОСТЬ.

Когда я думаю, что рядомъ,
Вотъ здѣсь, кругомъ, передо мной
Бесамѣрнымъ преданы отрадамъ,
Ликуютъ духи, міръ иной,—

Въ той комнатѣ, гдѣ дни и ночи,
Какъ каторжникъ, забывъ про сонъ,
Такъ бьюсь я, не смыкая очи,
Все бьюсь, къ работѣ присужденъ.—

Когда я думаю, что годы,
Съ печальной блѣдностью лица,
Въ окно все тотъ же ликъ Природы
Я буду видѣть безъ конца,—

И сердцемъ, болѣе не юнымъ,
Я буду, догона, тлѣть,
Внимать мятелямъ и бурунамъ,
Слабѣть, сѣдѣть, и холодѣть,—

Вдругъ самъ себѣ тогда я страшень,
Я содрогаюсь, какъ въ бреду,
Какъ будто я съ высокихъ башенъ
Воть-воть на землю упаду.

А между тѣмъ такъ близко, рядомъ,
Но не слянные со мной,
Безбрежнымъ преданы усадамъ,
Сплетаютъ духи міръ иной.

КАТОРЖНИКЪ.

Если вы въ полдневной дремѣ,
Въ замирали сладкихъ сновъ,
Я въ рождающей истомѣ,
Я въ рабочемъ страшномъ домѣ,
Въ стукѣ дружныхъ молотковъ.

Не входите, не глядите,
Нѣть, не слушайте меня,
Пауки сплетаютъ нити,
Съ паукомъ и вы плетите
Паутинки въ блескѣ дня.

Замирайте въ иллюзійной дремѣ,
Миѣ же—каторжникомъ быть,
Миѣ не видѣть счастья, кромѣ
Какъ работать въ страшномъ домѣ,
Намѣтать, стучать, дробить.

ВЫБОРЪ.

1.

Будь свободнымъ, будь какъ птица, пой, тебѣ дана судьба.
Ты не можешьъ быть какъ люди, ты не примешь линъ раба.

Ежедневный, ежечасный, тупо-скромный, скучный ликъ,
Это быть въ пустынѣ темной, быть казненнымъ каждый мигъ.

Ты не можешьъ, ты не можешьъ,—о, мой братъ, пойми меня,—
Какъ бы могъ ты стать нелркимъ, ты, рожденный отъ Огня.

Это—страшное проклятье, это—ужасъ: быть какъ всѣ.
Ты свободный, лучъ, горящій—въ водопадѣ и въ росѣ.

Ты порою малъ и робокъ, но неравенство твое—
Жизнь стихіи разрѣшенной, сохрани въ себѣ ее.

Ты сейчасъ былъ малъ и робокъ, но судьба тебѣ дана.
Вотъ ты вспыхнулъ, вотъ ты Солнце. Вся лазурь твоя, до дна.

2.

Нѣть, мой братъ, не принимаю
Гордый твой завѣтъ.
Я иду къ иному раю,
Я люблю спокойный свѣтъ.

Ежедневный, ежечасный,
Свѣтъ души—на дѣтъ,
Тѣмъ прекрасный, что, безстрастный,
Непрѣменъ онъ во мнѣ.

Братъ мой, кто ты? Что ты знаешь
Обо всѣхъ другихъ?
Ты искркихъ проклинаешь,
Я для нихъ пою свой стихъ.

Ты сказалъ, что я сіяю
Въ капелькѣ, въ росѣ,—
Это я благословляю,
Я желаю быть какъ всѣ.

Всѣ мы капли въ вѣчномъ Морѣ,
Нѣть различья въ нась.
Всѣ мы боль таинъ во взорѣ
Въ нашъ послѣдній смертный часъ.

Это—страшное проклятье:
Презирать другихъ.
Всѣхъ люблю я безъ изъятія,
Я для всѣхъ пою свой стихъ.

ОТДАТЬ СЕБЯ.

Отдать себя на растерзаніе,
Забыть слова—мое, твое,
Извѣдать пытку истязанія,
И полюбить какъ свѣтъ ее.

Не знать ни страха, ни раскаянья,
Благословить свою печаль,
Благословить свое отчаянье,
Сказать—ниѣ пичего не жаль.

Быть равнымъ съ низкими, неравными,
Предъ крикомъ—нѣжнымъ быть какъ вздохъ:
Такъ править силами державными,
Такъ межъ людей ты будешь Богъ.

ТИШЕ, ТИШЕ.

Тише, тише совлекайтъ съ древнихъ идоловъ одежду,
Слишкомъ долго вы молились, не забудьте прошлый свѣтъ,
У развѣнчанныхъ великихъ какъ и прежде горды вѣжды,
И слагатель вѣщахъ пѣсенъ былъ поэтъ и есть поэтъ.

Побѣдитель благородный съ побѣдленнымъ будешь ровень,
Съ нимъ заносчивъ только низкій, съ нимъ жестокъ одинъ дикарь.
Будь въ раскатѣ бранныхъ кликовъ ясновзорень, хладнокровенъ,
И тогда тебѣ скажу я, что въ тебѣ мудрецъ—и царь.

Дѣти Солнца, не забудьте голость меркнущаго брата,
Я люблю въ васъ ваше утро, вашу смѣлость и мечты,
Но и къ вамъ придетъ мгновеніе охлажденія и заката,—
Въ первый мигъ и въ мигъ послѣдній будьте, будьте какъ цветы.

Расцвѣтайтъ, отцвѣтайтъ, многоцвѣтно, полновластно,
Раскрывайтъ все богатство вашихъ скрытыхъ юныхъ силъ,
Но въ расцвѣтѣ не забудьте, что и смерть, какъ жизнь, прекрасна,
И что царственно величье холодающіхъ могилъ.

ПЕЧАЛЬНИЦА.

Она живеть среди видѣній,
Въ ея глазахъ дрожитъ печаль,
Въ нихъ ускользающая даль
И умирающія тѣни.

Она поникла какъ цветокъ,
Что цветъ въ пустынѣ заповѣдной,
И вдругъ поблекъ, печальный, блѣдный,
Не довершивъ свой полныи срокъ.

Въ ней неразгаданное горе,
Ей скученъ жизни ровный шумъ,
Въ ней той печалью полонъ умъ,
Какою дышутъ звѣзды въ Морѣ.

Той блѣдностью она блѣдна,
Которую всегда замѣтишь,
Когда монахиню ты встрѣтишь,
Что смертью жить осуждена.

Жить ежечаснымъ умираньемъ
И забывать свои мечты,—
И Миръ, и чары Красоты
Считать проклятиемъ, изгнаньемъ!

ЦАРСТВО ТИХИХЪ ЗВУКОВЪ.

Царство тихихъ звуковъ, ты опять со мной,
Маятникъ певческий бьется за стѣной.
Въ ровномъ коридорѣ мѣрные шаги.
Близкіе ли это? Злые ли враги?

Я люблю волненье поэзииныхъ нивъ,
На опушкѣ лѣса вечеръ такъ красивъ.
Надъ просторомъ вольнымъ водной глубины
Дымно дышутъ чары царственной Луны.

Нѣть, я долженъ, долженъ полюбить печаль,
Не искать блаженства, не стремиться вдали.
Не желать блаженства вѣчныхъ перемѣнъ,
Нѣть, уйти нельзѧ мнѣ отъ безцвѣтныхъ стѣнъ.

Тонкая, но властно, вытянулась пить,
Блѣднаго кого-то долженъ я щадить.
Кто-то дышетъ близко, грустный и родной,
Чье-то сердце глухо бьется за стѣной.

БОЛОТО.

ПРЕРЫВИСТЫЯ СТРОКИ.

*Miles and miles and miles of desolation
Leagues on leagues on leagues without
a change.
Swinburne.*

На версты и версты протянулось болото,
Поросшее зеленою обманною травой.
Каждый мигъ въ немъ шепчетъ, словно плачетъ кто-то,
Какъ будто безнадежно тоскуетъ надъ собой.

На версты и версты шелестящая осока,
Незабудки, кувшинки, кувшинки, камыши.
Болото раскинулось властно и широко,
Шепчутся стебли въ изумрудной тиши.

На самомъ зеленомъ изумрудномъ мѣстѣ
Кто-то когда-то погибъ навсегда.
Шель женихъ влюбленный къ любящей невѣстѣ,
Болото заманило, въ болотѣ нѣть слѣда.

И многихъ манить къ обманнымъ изумрудамъ,
Каждому хочется надъ бездонностью побить.
Каждый, утомившись, ярко грезить чудомъ,
И только тотъ живеть, кто можетъ все забыть.

О, какъ грустно шепчуть камыши безъ счета,
Шелестящими шуршащими стеблями говорять.
Болото, болото, ты мнѣ нравишься, болото,
И вѣрю, что божествененъ предсмертный взглядъ.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

ПРЕРЫВАЕМЫЕ СТРОКИ.

Въ старинномъ домѣ есть высокій залъ,
Ночью въ немъ слышатся тихіе шаги,
Въ полночь оживаетъ въ немъ глубина зеркалъ,
И изъ нихъ выходятъ друзья и враги.

Бойтесь безмолвныхъ людей,
Бойтесь старыхъ домовъ,
Страшитесь мучительной власти несказанныхъ словъ,
Живите, живите—мнѣ страшно—живите скорѣй.

Кто въ мертвую глубь враждебныхъ зеркалъ
Когда-то бросилъ безответный взглядъ,
Тотъ зеркаломъ скованъ, и высокій залъ
Населенъ тѣнями, и листры въ немъ горятъ.

Канделябры тяжелыя свѣтъ свой льють,
Безжизненно тянутся отсвѣты свѣчей,
И въ залѣ, въ этотъ страшный призрачный пріютъ
Привидѣнья выходятъ изъ зеркальныхъ выбѣй.

Есть что-то змейное въ движеньи томъ,
 И музыкой змейиною вальсъ поеть,
 Шорохи, шелесты, шаги... О, старый домъ..
 Кто въ тебѣ дневной неполночный свѣтъ прольетъ?

Кто въ тебѣ тяжелыи двери распахнетъ?
 Кто воскресить неразсказанность мечты?
 Кто сниметъ съ насъ этотъ мучительный гнетъ?
 Мы только отраженія зеркальной пустоты.

Мы кружимся бѣшено одинъ лишь часъ,
 Мы вносимся съ бѣшеноствомъ скорѣ и скорѣй,
 Дробятся мгновенія и гонять насъ,
 Нѣть выхода, и пѣть привидѣніямъ дверей.

Мы только сплетаемся въ пляскѣ на мигъ,
 Мы кружимся, не чувствуя за окнами Луны,
 Предъ каждымъ и съ каждымъ его же двойникъ,
 И вновь мы возвращаемся въ зеркальность глубины.

Мы, мертвые, уходимъ незримо туда,
 Гдѣ будто бы все ясно и холодно-свѣтло,
 Намъ пѣть возрожденія, не будетъ никогда,
 Чѣдъ сказано—отжито, не сказано—прошло.

Бойтесь старыхъ домовъ,
 Бойтесь тайныхъ ихъ чаръ,
 Домъ тѣмъ болѣе жаденъ, чѣмъ онъ болѣе старъ,
 И чѣмъ старше душа, тѣмъ въ ней больше задавленныхъ
 словъ.

* * *

Я больше ни во что не вѣрю,
 Какъ только въ муку и печаль,
 И въ безконечную потерю,
 И въ отнимающую даль.

Я былъ, какъ всѣ, красивъ и молодъ,
Но торжествующій цвѣтокъ
Въ свой долгій мигъ воспринялъ холодъ.
И больше нѣжнымъ быть не могъ.

Мнѣ никогда не вспыхнуть снова,
Себя и взоры веселя,
И Небо низко и свинцово,
И вся безрадостна Земля.

* * *

Отчего мнѣ такъ душно? Отчего мнѣ такъ скучно?
Я совсѣмъ остываю къ мечтѣ.
Дни мои равномѣры, жизнь моя однозвучна,
Я вастыль на послѣдней чертѣ.

Только шагъ остается, только мигъ быстрокрылый,
И уйду я отъ блѣдныхъ людей.
Для чего же я медлю предъ раскрытоей могилой?
Не спѣшу въ неизвѣстность скорѣй?

Я не прежній веселый, полу богъ вдохновенный,
Я не теній пѣвучей мечты.
Я угруюмый заложникъ, я тоскующій плѣнникъ,
Я стою у послѣдней черты.

Только мигъ быстрокрылый, и душа, альбатросомъ,
Упесется къ невѣдомой мглѣ.
Я усталъ приближаться отъ вопросовъ къ вопросамъ,
Я жалѣю, что живу на Землѣ.

* * *

Медленно, тягостно, въ русла забытыя
Воды вступают уставшіи.
Время, пространство, мысли изжитыя,
Снова въ сознанье мое перелитыя,
Вмѣстъ со мною такъ ярко мечтавшія,
Счастья не давшія,
Дымъ отъ огня,
Бросьте меня, бѣглецы запоздавшіе,
Я уже въ царствѣ нездѣшняго дня,
Бросьте меня.

Я КАКЪ ОБЛАКО.

Я какъ облако въ мигъ равнодушнаго таинья,
Я храню еще отблескъ послѣднихъ лучей,
Но во мнѣ уже нетъ ни надеждъ, ни раскаянья,
Ни тревоги земной, только холодъ отчаянья,
Тишь сознанья, что мнѣ не сверкнуть горячай.

Я громами смѣялся во мглѣ отдаленія,
Я вкругъ молниій пѣль перекличкой громовъ,
Я земныхъ научилъ красотъ изступленія,
Свѣжей влагой поилъ и пески и растенія,
Я былъ чудомъ для душныхъ вѣмыхъ теремовъ.

Есть безгласность и тишь у преддверія Вѣчности,
Есть слова, что живутъ, но безъ рѣчи, не туть.
Есть полетъ облаковъ, переливы ихъ млечности,
Есть минутный восторгъ, есть покой Безконечности.
И красивы цветы, что весною цвѣтутъ.

Далеко, далеко, надъ высокими кручами,
Ходить вѣтеръ, туманъ собирая кругомъ.
Миръ упьется созвучьями, слова—могучими,
Ходить вѣтеръ, и весело грезитъ онъ тучами.
Я надъ вѣтромъ. Одинъ. Я забылъ обо всемъ.

УМИРАЮЩИЙ.

Какъ странно, какъ страшно въ бездной Вселенной,
Томясь ежечасно, всечасно тону,
Я смертью захваченъ, я темный, я пѣтнай.
Я въ пыткѣ безсмѣнной иду въ глубину.

Одинъ я родился, одинъ умираю,
И въ смерти живу безконечно одинъ.
Къ какому иду я безвѣстному краю?
Не знаю, не знаю, я—въ страхахъ глубинъ.

Я знаю, есть Солнце, тамъ въ высяхъ, тамъ гдѣ-то,
Но я навсегда потерялъ красоту.
Я мертвая тяжесть,—отъ вольного лѣта,
Отъ счастья и свѣта иду въ темноту.

ПТИЧКА.

Воздушная птичка, на окнѣ у меня,
На мгновеніе присѣла и запѣла звени,—
Воздушная птичка не видала меня.

Закатъ запоздалый въ облакахъ догоралъ,
Упоптально-алый какъ небесный кораллъ,—
Забытый, усталый, я одинъ умиралъ.

Но сърая птичка, на раскрытомъ окнѣ,
Все воздушнѣе пѣла о негаснущемъ днѣ,—
О вѣчности свѣтлой въ неизвѣстной странѣ.

И тихо я умеръ, безъ печали земной,
И замолкшая птичка улетѣла со мной,—
Смутившись внезапно неземной тишиной.

КЪ НОЧИ.

Вспоенная соленою морскою глубиной,
Вся дышаща влагой, мечтой, и тишиной,—
О, Ночь, побудь со мной,
О, Ночь, побудь моей,
Дай мнѣ побыть во снѣ,
Въ бездонной глубинѣ,
Гдѣ скрыты верна днѣй.

Окутана дымомъ сожженныхъ вечеровъ,
Дочь Хаоса пѣмая, любимица вѣковъ,—
О, Ночь, пошли мнѣ сновъ,
Мою печаль развѣй,
О, Ночь, люби меня,
Я такъ усталъ отъ Дня,
Хотя я живу днѣй.

Ты, капище видѣній, свобода всѣхъ рабовъ,
Коудунья преступленій и самыхъ нѣжныхъ словъ,—
О, Ночь, сгости покровъ
Своихъ густыхъ тѣней,
Чтобъ мнѣ забыть себя,
Чтобъ снова жить любя
Рождевье новыхъ днѣй.

Въ одѣждѣ изъ созвѣздій, гдѣ каждая звѣзда
Живеть тысячелѣтья, и вѣчно молода,—

О, Ночь, живи всегда,
О, Ночь, свой мракъ лей,
Чтобъ въ блескѣ красоты
Еще цвѣли цвѣты
Не мнѣ цвѣтушихъ дней.

У МОРЯ НОЧЬЮ.

У Моря ночью, у Моря ночью
Темно и страшно. Хрустить песокъ.
О, какъ мнѣ больно у Моря ночью.
Есть гдѣ-то счастье. Но путь далекъ.

Я вижу зѣзды. Одна мнѣ свѣтить
Другихъ свѣтлѣе и всѣхъ нѣжнѣй.
Но, если сердце ее отмѣтить,
Она далеко, не быть мнѣ съ ней.

Я умираю у Моря ночью.
Песокъ затянетъ, зальетъ волна.
У Моря ночью, у Моря ночью
Меня полюбить лишь Смерть одна.

МЕЖЬ ПОДВОДНЫХЪ СТЕБЛЕЙ.

Хорошо межь подводныхъ стеблей.
Блѣдный свѣтъ. Тишина. Глубина.
Мы замѣтимъ лишь тѣнь кораблей,
И до насъ не доходитъ волна.

Неподвижные стебли глядять,
 Тонкоствольные стебли ростуть.
 Какъ спокоенъ зеленый ихъ взглядъ,
 Какъ они безтревожно цвѣтутъ.

Безглагольно глубокое дно,
 Безъ шуршанья морская трава.
 Мы любили, когда-то, давно,
 Мы забыли земные слова.

Самоцвѣтные камни. Песокъ.
 Молчаливые призраки рыбъ.
 Миръ страстей и страданий далекъ.
 Хорошо, что я въ Морѣ погибъ.

ПРИБЛИЖЕНИЯ

I change, but I cannot die.

Shelley

Я ТИХО СПЛЮ.

Я тихо сплю на днѣ морскомъ,
Но близокъ міръ земли.
Я вижу, верховымъ путемъ
Проходить корабли.

И видя блѣдность глубины
И жемчуга ея,
Я вспоминаю зыбь волны,
Тревожу забытье.

Бѣжитъ приливъ, ростетъ прибой:—
„Усни! Усни! Ты спиши?
Надъ нами бездны голубой
Молитвенная тиши“.

Поеть прибой, ростетъ приливъ:—
„Проснись! Проснись! Бѣжимъ!
Ты знаешь, міръ земной красивъ,
Мы овладеемъ имъ!“

Я тихо сплю на днѣ морей,
И знаю, сладокъ сонъ.
Но сердце шепчетъ мнѣ:— „Скорѣй!
Ты будешьъ въ жизнь влюбленъ“.

Я мирно сплю на днѣ морскомъ,
Но чувствую врага.
Я вновь пойду слѣпымъ путемъ,
Я брошу жемчуга!

БОЛЬ.

Мы должны бѣжать отъ боли,
Мы должны любить ее.
Въ этомъ правда высшей Воли,
Есть этомъ счастіе мое.

Самъ себя изъ вѣчной сферы
Устремилъ я съ высоты,
Въ область времени и мѣры,
Въ царство мысли и мечты.

И отпавши отъ начала,
Полновольная душа
Затомилась, заскучала,
И бѣжать, къ концу спѣша.

По конца не будетъ сердцу—
Гдѣ моря безъ береговъ,
Какъ не встрѣтить иновѣрцу
Въ чуждыхъ снахъ—своихъ боговъ.

Тотъ, кто бросился въ скитанья,
Не уйдетъ тяготъ пути,
Отъ страданья на страданье
Будетъ вынужденъ идти.

Но зато онъ встрѣтить страны,
Гдѣ упьется онъ мечтой,
Гдѣ измѣны и обманы
Поражаютъ красотой.

И затянутый въ измѣны,
Гдѣ обманчивы огни,
Онъ вскипить, какъ брызги пѣны,
И погаснетъ, какъ они.

И опять, опять застонеть
Легкимъ ропотомъ членокъ,
Рано ль, поздно ль, онъ потонеть.
Такъ плывемъ же. Путь далекъ.

Путь далекъ до вѣчной Воли,
Но вернемся мы въ нее.
Я хочу стремиться къ боли,
Въ этомъ счастіе мое.

СКОРѢЕ.

Скорѣе, скорѣе, скорѣе,—
На лѣстницахъ Ангелы ждутъ.
Они замираютъ, блѣднѣя,
И смотрѣть, и шепчутъ:— „Идутъ!“

„Идемъ мы, о, Ангелы Рая,
Идемъ не года, а вѣка.
Терзать насъ тайна земная,
Насъ мучаетъ страхъ и тоска.

„Послѣдней надежды лишансь,
Обрывистымъ труднымъ путемъ,
Срываюсь, и снова взбираясь,
Идемъ мы, идемъ мы, идемъ.

„По острымъ камнямъ и обломкамъ,
По ужасамъ липкихъ болотъ,
Конца не предвидя потемкамъ,
Идемъ мы—какъ время идетъ.

О, Ангелы, вы помогите
Уставшимъ идти по землѣ.
Вы только съ высотъ поглядите,
Какъ мы потемнѣли во мглѣ.

„Мы падаемъ, слова слабья.
Ужели напрасенъ весь трудъ?“
Но сердце торонить. Скорѣ!
Стремленія къ Солнцу ведутъ.

МАЛО КРИКОВЪ.

Мало криковъ. Нужно стройно
Грамотнически рыдать.
Надо дѣйствовать спокойно
И красивый ликъ создать.

Мало искреннихъ мученій,
Ты же въ Мирѣ не одинъ.
Если ты разумный гений,
Дай намъ чудо звонкихъ льдинъ.

Силой мѣрного страданья
Дай намъ храмы изо льда.
И тогда твои рыданья
Мы полюбимъ навсегда.

* * *

Богъ создалъ міръ изъ ничего.
Учись, художникъ, у него,—
И, если твой талантъ крупица,
Содѣлай съ нею чудеса,

Возрасты безмѣрные лѣса,
И самъ, какъ сказочная птица,
Умчись высоко въ небеса,
Гдѣ свѣтить вольная зарница,
Гдѣ вѣчный облачный прибой
Бѣжать по беодаѣ голубой.

* * *

Зимой ли кончается годъ,
Иль осеню, право не знаю.
У сердца особенный счетъ,
Мгновенья и въ годы вмѣняю.

И годъ я считаю за мигъ,
Разъ только мечта мнѣ прикажетъ,
Разъ только мнѣ тайный родникъ
Незримое что-то покажетъ.

Спросила ты, сколько мнѣ лѣть,
И такъ усмѣхнулась мнѣ тонко.
Но ты же видѣ знаешь: поэты
Моложе, папаѣтъ ребенка.

Но также могла бы ты знать,
Что всю многозыблемость свѣта
Привыкло въ себѣ сохранять
Бездонное сердце поэта.

Я старше взметнувшихся горъ,—
Кто Вѣчности ближе, чѣмъ дѣти?
Гляди въ ускользающій взоръ,
Тамъ цѣлое море столѣтій!

ПОХВАЛА УМУ.

Безуміе и разумъ равноцѣнии,
Какъ равноцѣнии въ Мирѣ свѣтъ и тьма.
Въ нихъ два пути, пока мы въ Мирѣ пльнии,
Пока замкнуты наши терема.

И потому миѣ кажется желаніемъ
Различность и причудливость умовъ.
Умъ Англійскій, и свѣтлый, и туманный,
Какъ Море вкругъ несчетныхъ острововъ.

Безстыдный умъ Француза, умъ Нѣмецкій,
Строительный, тяжелый, и тупой.
Умъ Русскій, изступленно-молодецкій,
Умъ Скандинавскій, вѣщий и слѣпой.

Испанскій умъ, какъ будто весь багряный,
Горячій, какъ роскошный цвѣть гвоздикъ,
Умъ Итальянскій, сладкий, какъ обманы,
Утонченный, какъ у Мадонны ликъ.

Какъ мечъ, какъ властный голосъ, умъ Латинскій,
Умъ Эллинскій, языкъ полубоговъ,
Индійскій умъ, кошмарно-исполинскій,
Сводь радуги, богатство всѣхъ тоновъ.

Я вижу, волны міра многопѣнии,
Я здесь стою на звонкомъ берегу,
И кто бъ ты ни былъ, Духъ, предъ кѣмъ мы пльнии,
Привѣтъ мой вѣчъ, и брату, и врагу.

КЪ НЕНАВИДЯЩИМЪ.

О, слушайте, блѣдные люди,
Лъ новое создалъ звено:—
Есть много мечтаний о Чудѣ,
Но Небо, Небо—одно.

О, слушайте всѣ, кто въ туманѣ,
Въ обманѣ незрячихъ долинъ:—
Есть множество разныхъ страданій,
Но свѣтъ блаженства—одинъ.

О, слушайте, сонмы видѣній,
Лъ пронасти видѣлъ до дна:—
Есть много дорогъ заблужденій,
Дорога Правды—одна.

ПЯТЬ ПЕЩЕРЪ.

Блѣдны и томительны всѣ сны земного Сна,
Блески, отраженія, пески, и глубина,
Пять пещеръ, въ которыхъ душа заключена.

Въ первую приходимъ мы изъ тайной темноты,
Нѣть въ ней разумѣнія, ни мысли, ни мечты,
Есть въ ней лишь бѣсѣ животной теплоты.

Рядомъ, съ нею смежная, туманности полна,
Млечная и нѣжная въ ней дышить бѣлизна,
Съ міромъ созидающимъ связуетъ нась она.

Третья и четвертая и пятая горятъ,
Ароматомъ, звуками, и свѣтомъ говорятъ,
Намъ дыханье радуютъ, пѣняютъ слухъ и взглядъ.

Быстро мы касаемся, для насть доступныхъ, сферъ,
Видамъ всѣ сокровища пяти земныхъ пещеръ,
Но земной непрокъ прѣтъ, и скуденъ онъ, и сѣвъ.

Стрѣ, томительно проходятъ наши дни,
Какъ неубѣдительно все, что твердѣтъ они,
О, зажжемте лучшіе и высшіе огни.

Победимте волею число земное—пять,
Только тотъ весь Миръ пойметъ, кто можетъ семь обнять,
Глянь въ глаза души своей, разъ хочешь все понять.

Кромъ тѣхъ пяти пещеръ, есть въ сердцѣ глубина,
Есть для взора скрытаго просторъ и вышина,
Примирись, что глубь и высъ—только два звена.

Вознесешься ль въ небо ты, падешь ли ты на дно,
Всюду цѣнь одной мечты, къ звену идеть звено,
Жизль прядеть жлвую ткань, шумить веретено.

Жизнь прядеть, шумить, поеть, къ примѣру льнетъ
примѣръ,
Радуйся, о, мыслящій, ты гений высшихъ сферъ,
Волны крызъ легкія, разбиты пять пещеръ.

РАДОСТНЫЙ ЗАВѢТЬ.

ДАМНДИЙ ЧИНЭЛ А. Н. КРУСОВА.

Мы кажется, что каждый человѣкъ
Не потому оцѣниваться долженъ,
Какъ жилъ онъ въ этой жизни на Землѣ,
А потому, какъ онъ ушелъ изъ жизни.
Пока мы здесь, мы видимъ смѣну дней,
И въ этой смѣнѣ разное свершаемъ.

Пока мы здѣсь, мы слушаемъ напѣвы
Своей мечты: въ одномъ она нѣжнѣй,
Въ другомъ—грубѣй; во всѣхъ она случайна,
И всѣмъ поетъ различно о различномъ.
А Смерть равнѣеть всѣхъ, затѣмъ что властно
Стираетъ всѣ различія мечты.

Пока живемъ пынящею игрою,
Мы думаемъ, что жизни нѣтъ конца,
Но Смерть къ намъ неожиданно приходитъ
И говорить: „Ты долженъ умереть“.
И только въ этотъ мигъ разлуки высшей
Со всѣмъ, что было дорого для сердца,
Является величіе души,
И разность душъ видна неустранимо.
Иной въ теченіи лѣтъ героемъ былъ,
И въ мигъ одинъ съ себя свой блескъ свергаетъ.
Другой всю жизньъ казался еле виднымъ,
И въ мигъ одинъ проснулся въ немъ герой.
Прекрасный всѣхъ—кто, вѣчно-свѣтлый въ жизни,
Не измѣнилъ себѣ, свой день копчая,
Но, озаривъ, послѣднюю черту,
Безъ жалобы угасъ, какъ гаснетъ Солнце.
Вотъ почему тотъ самый человѣкъ,
Чья тѣль теперь, невидимая, съ нами,
Не только дорогъ жизнью мнѣ своей,
Но тѣмъ, что былъ живымъ и въ самой Смерти.

Своихъ друзей, свою работу, книги
Не разлюблялъ онъ до послѣднихъ дней,
Онъ холодѣлъ—лишь для тѣлесной жизни,
Онъ отходилъ—безъ ропота и страха,
И намъ оставилъ радостный завѣтъ
Въ своеемъ, какъ бы прощальномъ, восклицаніи.
Когда ужъ остывала кровь его,

И видѣлъ взоръ души—что можетъ видѣть
Лишь взоръ души, отъ путь освобождений.
Онъ вдругъ воскликнулъ, звучно, какъ поэты:
„Есть Богъ—хоть это людямъ непонятно!“
И снова повторилъ: „Есть Богъ! Есть Богъ!“

Да, вѣрю, знаю. Ты сказалъ предъ смертью,
Чтѣлъ каждый сознать въ свой лучшій магъ.
Есть родила для всѣхъ живыхъ созданій,
Есть Правда, что незримо правитъ Миромъ,
И мы ея достигнемъ на Землѣ,
И мы ее постигнемъ въ запредѣльномъ.
Безгласности вѣщанія внимал,
Къ незримому душою обратившись,
Я говорю вамъ: „Богъ настѣ ждетъ! Есть Богъ!“

ВОЗДУШНАЯ ДОРОГА.

Памяти Владимира Сергеевича Соловьева.

Недалека воздушная дорога,—
Какъ намъ сказалъ единій изъ пѣвцовъ,
Отшелыникъ скромный, обожатель Бога,
Поэтъ-монахъ, Владимиръ Соловьевъ.

Веадѣ идутъ незримыя теченья,
Они вкругъ настѣ, они въ тебѣ, во мнѣ.
Все въ Мирѣ полно скрытаго значенья,
Мы на Землѣ—какъ бы въ чужой странѣ.

Мы говоримъ. Но мы не понимаемъ
Всѣхъ пронастей людскаго языка.
Морей мечты, дворцовъ души не знаемъ,
Но въ настѣ проходитъ звѣздная рѣка.

Ты подарилъ мнъ свой привѣтъ когда-то,
Поэть-отшельникъ, съ кроткою душой.
И ты ушелъ отсюда безъ возврата,
Но міръ Земли—для Неба не чужой.

Ты шествуешь теперь въ долинахъ Бога,
О, духъ, пріявший свѣтлую печать.
Но такъ блазака воздушная дорога,
Вотъ вижу взоръ твой—я съ тобой—опять.

КОЛОДЕЦЬ.

„Наклонись надъ колодцемъ...”

1865

Я припомнилъ слова, что приснились мечтѣ
Въ утро жизни, какъ нѣжное пѣніе.
И хоть я ужъ не тотъ, и хоть мысли не тѣ,—
Тайны тѣ же зовутъ въ отдаленіе.

„Наклонись надъ колодцемъ, увидишь ты тамъ,
Словно темная има чернѣется,
Пахнетъ гнилью, и плѣсень ростетъ по краямъ,
И прозрачной струи не виднѣется.

„Но внизу, въ глубинѣ, среди гнили и тьмы,
Тамъ, гдѣ пропасть чернѣется мглистая,
Какъ въ суровыхъ объятьяхъ угрюмой тюрьмы,
Робко бьется струя серебристая”.

Не напрасно тѣ строки привидѣлись мнѣ,
Промелькнули, какъ нѣжное пѣніе,
Нѣть обманности—въ снѣ, все правдиво—въ веснѣ,
Все—рожденіе свѣтлаго Генія.

Наклонись надъ колодцемъ, далеко—до дна,
 Но не смерть тамъ подъ мраками грубыми,
 Ключевая волна такъ свѣтло-холодна,
 Между темными тѣсными срубами.

Не напрасно поднимется тяжесть ведра,
 Не напрасно опустится, звонкая.
 Сколько выйдетъ на свѣтъ хрустала, серебра,
 Иль мечтанія скрутится тонка.

Жизнь глубоко-свѣжа, предвѣщательны сны,
 Непечерпана мгла утоленія.
 Многоструйна мечта въ темнотѣ глубины,
 Ясень праздникъ весны—Приближенія.

МИРОВОЕ КОЛЬЦО

Кто, смотри, увидалъ Мировое Кольцо, —
Обынчился яушой съ Безконечностью

Бальмонтъ

БОГЬ И ДЬЯВОЛЬ.

Я люблю тебя, Дьяволъ, я люблю Тебя, Богъ,
Одному—мои стоны, и другому—мой вздохъ,
Одному—мои крики, а другому мечты,
Но вы оба велики, вы восторгъ Красоты.

Я какъ туча блуждаю, много красокъ вокругъ,
То на Сѣверъ вду я, то откинусь на Югъ,
То далеко, съ Востока, поплыну на Закатъ,
И пылаютъ лубины, и чернѣеть агатъ.

О, какъ радостно жить мнѣ, я лежью поля,
Подъ дождемъ моимъ свѣжимъ зеленѣеть Земля,
И змѣйностью молний и раскатомъ громовъ
Много сновъ я разрушилъ, много скжегъ я домовъ.

Въ домѣ тѣсно и душно, и минутны всѣ сны,
Но свободно—воздушна эта ширь вышинъ,
Послѣ долгихъ мученій какъ плѣнителенъ вздохъ,
О, таинственный Дьяволъ, о, единственный Богъ!

КРАСОТА.

Красота создается изъ восторга и боли,
Изъ желанія воли и тяжелыхъ цѣней.
Все, что хочешь, замкнешь ты въ очертанія доли,
Красоту ли съ грозою, или тиши сѣрыхъ дней.

Если хочешь покоя, не заглядывай въ бездны,
 Не ищи и не думай, правда ль жизнь или ложь.
 Но мечты твои будутъ безпланетны, беззвѣздны,
 Въ безкометное небо ты павѣки уйдешь.

О, горячее сердце, что жъ возьмешь ты какъ долю,
 Полпозвучность ли грома и сверкающій свѣтъ,
 Или радость быть дома и уютъ и неволю?
 Нѣть, твой домъ изначальный—гдѣ рожденье кометъ.

Ты равно полюбило двухъ враждебныхъ первыхъ,
 И видѣнья покоя отодвинулись прочь.
 Ты боговъ уравняло въ двухъ мірахъ полноправныхъ,
 Приходите же, грозы, и колдуй матъ, о, Ночь.

Наколдуй свои чары, но развѣйся съ разсвѣтомъ:—
 Если будешь чрезмѣрной, я себѣ измѣню.
 Все что къ сердцу подходитъ, я встрѣчашъ отвѣтомъ,
 И мнѣ сладко отдаться золотистому Дню.

НАМЕКИ.

Есть намеки тайные
 Въ будничныхъ вещахъ.
 Есть необычайные
 Пропасти въ сердцахъ.

Въ той же ежедневности,
 Гдѣ томишься ты,
 Дышутъ бури гнѣвности,
 И цвѣтутъ цвѣты.

Краткое мгновение
Может пронести
Ужас разрушения
На твоем пути.

Краткое мгновение
Может дать память сонь,
Весь восторг забвения,
Целый небосклонъ.

День, что былъ томительнымъ,
Яркимъ станетъ вдругъ,
Блескомъ поразительнымъ
Все зальетъ вокругъ.

Вѣрь въ приходъ пожданнаго,
Тайна есть во всемъ,
Въ сердцѣ многое страннаго,
Мы живемъ... Живемъ!

ЛѢСТНИЦА ЛЮБВИ.

Только бы встрѣтиться.
Только бы глядѣть.
Молча сердцемъ пѣть.
Вадрогнуть и признаться.
Вдругъ поцѣловаться.
Ближе быть, обняться.
Сномъ однимъ горѣть.
Двумъ въ одно смѣшаться.
Безъ конца сливаться.
И не разставаться.
Вмѣстѣ умереть.

РЕБЕНОКЪ.

1.

Полозья проскрипѣли,
Умолкъ вечерній гулъ.
Въ недвижной колыбели
Ребенокъ мой уснулъ.

Горѣли звѣзды гдѣ-то,
Но я ихъ не видаль.
Мечта была пропита,
Слеза была—кристалъ.

Храни Господь Всевышній
Всѣхъ темныхъ на землѣ,
Того, кто въ мірѣ лишній,
Того, кто здесь, во мглѣ.

Храни Господь незлобный
Всѣхъ тѣхъ, кто слабъ и сиръ.
Кто страшной тьмой утробной
Заброшенъ въ этотъ міръ.

Я знаю, что пребудетъ
Во мракѣ наша плоть.
О, что съ тобою будетъ?
Храни тебя Господь.

2.

Нѣть, нѣть, я не жалю,
Что мнѣ ты былъ рожденъ.
И я любя лелю
Твой безматежный сонъ.

Дитя мое, я знаю,
Что ты услада дней,
Но все дороги къ Раю
Забыты межъ людей.

И мнѣ такъ больно, больно
Того, что въ жизни ждетъ.
Я думаю невольно,
Пусть лучше смерть придетъ.

И думать такъ не смѣю,
Вѣдь я люблю тебя.
И я твой сонъ лелѣю,
Мучительно скорбя.

Тебя благословляя,
Скорблю, въ душѣ своей,
Что не найдешь ты Рая,
Вилоть до исхода дней.

3.

Нѣть, чтѣ бы мнѣ ни говорили
Всѣ мысли мудрыя мои,
Что надо поклоняться Силѣ,
Чтобъ съ нею слиться въ бытіи.—

Нѣть, чтѣ бы мнѣ ни утверждали,
Что будуть счастливы всѣ тѣ,
Которые живы страдали
И задохнулись въ пустотѣ.—

Я не могу принять мученій
Нѣмыхъ, какъ ангелы, дѣтей,
И вижу я, что теменъ Гений
Земныхъ убийственныхъ сѣтей.

О, Господи, я принимаю
Все, что изъ пытокъ дашь Ты мнѣ.
Чтобы найти дорогу къ Раю,
Готовъ горѣть вѣка въ огнѣ.

Но я не въ силахъ видѣть муки
Ребенка съ гаснущимъ лицомъ,
Глядѣть, какъ онъ скимаетъ руки
Предъ наступающимъ концомъ.

Глядѣть, какъ въ этомъ кроткомъ взорѣ
Непобѣдимо-нѣжныхъ глазъ
Естественность, и, въ спорѣ
Со смертью, дѣтскій свѣтъ погасъ.

Глядѣть, какъ бьется безъ исхода
Въ немъ безглагольная борьба!
Нѣть, лучше, если бъ вся Природа
Замкнулась въ черные гроба!

Но лишь не онъ, въ комъ все такъ тонко,
Кто весь былъ обращенъ къ лучу.
Нѣть, пытки моего ребенка
Я не хочу, я не хочу!

4.

И вдругъ мнѣ послышался Голосъ,
Откуда-то съ неба отвѣтъ
На то, что такъ болѣно боролось,
Въ душѣ выжигая свой слѣдъ.

„Будь равенъ со слабымъ и сильнымъ,
И къ каждому мыслью спѣши.
Не медли въ томленьи могильномъ,
Но слушай напѣвы души.

„Весь міръ есть великая тайна,
Во мракѣ скрывается кладъ.
Что было, прошло не случайно,
Все счастье вернется назадъ.

„Но, если дорога есть къ Раю,
Кто скажеть, быть можетъ, и Я
Безмѣрно, бездонно страдаю
Въ иѣ мой глубинѣ бытія.

„Кто былъ тотъ безумный и пленный,
Обмано сказавшій тебѣ,
Что я улыбаюсь, блаженныи,
Когда вы томитесь въ борьбѣ?

„Зачѣмъ восхожденье, ступени?
Пойметъ эту тайну лишь тотъ,
Кто всю беспредѣльность мученій
Въ горячее сердце вольетъ.

„Но въ темныхъ равнинахъ страданья,
Испытавши крещеніе огнемъ,
Придемъ мы къ Безсмертию Мечтанья,
Гдѣ будемъ съ негаснущимъ днемъ.

„Ты плачешь у дѣтской постели,
Гдѣ блѣдный ребенокъ застылъ.
Но очи его заблестѣли
Высоко надъ мглою могилъ.

„Послѣдняго атома круга
Еще не хватало—но вотъ,
По зелени пышнаго луга
Объ къ братьямъ небеснымъ идеть.

„Тамъ ярко цвѣтутъ златооки,
Онъ долженъ увидѣть ихъ быль.
Онъ самъ въ полуясномъ намекѣ
Улыбкой о нихъ говорилъ.

„И мысль твоя скорбью одѣта,
Но ты полюбиль—и любимъ:—
Дорога незримаго свѣта
Теперь межъ тобою и имъ.

„Смотри, Я его облекаю
Въ сіянье Своей красоты.
Съ тобою Я слезы ронлю,
Но Я зажигаю—цвѣты“.

ОДИНЪ ИЗЪ ИТОГОВЪ.

Въ концѣ концовъ я твердо знаю,
Кто мы, что мы, гдѣ я, въ чёмъ я.
Всю неразрывность принимаю,
И вся Вселенная—моя.

Я знаю всѣ ея стихіи,
Я слышалъ всѣ ея слова.
И здѣсь являясь не впервые,
Моя душа опять жива.

Изъ тѣхъ планетъ, что были стары,
Я много новыхъ создаю.
Неумирающія чары
И возрожденіе пою.

Металловъ мертвенные слитки
Бросаю въ нестерпимый жаръ,
И—въ первозданыи, и—въ избыткѣ,
И свѣжъ, и юнъ—кто былъ такъ старъ.

Я знаю все. Но есть забвенье.
И страшно-сладко мнѣ забыть,
И слушать пѣнье, видѣть звенья,
И ненавидѣть, и любить.

Моя заманивая доля—
Быть вольнымъ даже и въ цѣпяхъ.
О, да, я воля, воля, воля,
Я жизнь, я смерть, я страсть, я страхъ.

Мое пѣвучее витійство—
Не только блескъ созвучныхъ силъ.
Разъ захочу, свершу убійство,
Быть можетъ, я ужъ и убилъ.

Но въ должный мигъ припомнанье
Произнѣтъ внезапно темноту.
И приведеть меня скитанье
Къ весеннеликому Христу.

Къ Тому, который не страдаетъ,
Страдалъ вольно за другихъ,
Но безконечно созидаєтъ
Изъ темныхъ душъ блестящій стихъ.

Онъ убѣдителенъ и кротокъ,
Онъ упомятельно-жестокъ,
И Онъ—въ перебраныи четокъ,
Но больше—въ пѣни звонкихъ строкъ.

Всечуткій, многоликій, цѣльный—
Встрѣчаешь съ ясностью лица
Всѣхъ тѣхъ, кто въ жаждѣ безпредѣльной
Во всемъ доходитъ до конца.

Кто говоритъ, что Онъ—распятый?
О, нѣтъ, неправда, онъ не трупъ,
Онъ юный, сильный, и богатый,
Съ улыбкой пѣжной свѣжихъ губъ.

Онъ такъ краснѣтъ, такъ мудръ, спокоенъ,
Держа всѣ громы въ глубинѣ.
Онъ притягателенъ и строенъ,
И вѣчно насть ведеть къ Веснѣ.

Онъ смотрѣть, какъ рѣзвятся дѣти,
Какъ мчится молнией череда,
Не двадцать маленькихъ столѣтій,
А сердце говорить—всегда.

И былъ ли Онъ сейчасъ въ хитонѣ,
И..былъ ли въ панцирѣ—какъ знать!
Но только въ самомъ страшномъ стонѣ
Сокрыта звѣздная печать.

Землѣ, что ярче изумруда,
Сказалъ Онъ, что ей суждено:—
Намъ первое явленія чудо,
Онъ воду превратилъ въ вино.

И, весь—бездонное значеніе,
Землѣ уготовля Май,
Разбойника за мигъ мучены
Онъ взялъ съ собою въ вѣчный Рай.

И тамъ, гдѣ авѣдъ живыя рѣки,
Звеня, не точать берега,—
Внемлите слову, человѣки,—
Онъ приметъ худшаго врага.

У Человѣка больше сходства
Съ Христомъ, чѣмъ съ Дьяволомъ, и онъ,
Впадая въ низкое уродство,
Лишь на мгновеніе ослѣпленъ.

Впадая въ ярость возмущенія,
Въ великой Сатанинскій Сонъ,
Жѣлая ужаса и мщенья,
Лишь на мгновеніе ослѣпленъ,

Въ горѣцы властнаго пожара
Себѣ лишь нанося уронъ,
Впадая въ марево Кошмара,
Лишь на мгновеніе ослѣпленъ.

И это краткое мгновеніе
Продлится миллионы лѣтъ,
Но въ искрѣ празднікъ Воскресенія
Весь мракъ войдетъ въ безмѣрный Свѣтъ!

ДРУГІЕ ИТОГИ.

Другіе итоги... Ихъ много,
И скоро я ихъ разскажу.
Но я еще адѣсь—у порога,
Съ восторгомъ смотрю на межу.

И то, что завѣтная тайна
До завтра во мнѣ заперта,
Не прихоть, что встала случайно,
Но знаній моихъ полнота.

О, сколько вамъ будетъ открытій,
Безвѣстные братья мои,
О, сколько блестательныхъ нитей,
Различныхъ въ одномъ бытіи.

Еще я колеблюсь, робью,
Еще я горжусь, и гляжу,
Великою тайной мою
Ледѣйно еще дорожу.

Но скоро всю бездну сокровищъ
Явлю въ прорицаньяхъ я вамъ,
И вы, миновавши чудовищъ,
Войдете въ невиданный Храмъ.

Не будетъ ни звука, ни краски,
Къ которымъ мечтой не коснусь,
И въ правдѣ неслыханной сказки
Я все ихъ отдамъ... Клянусь!

СОЗНАНЬЕ, СИЛА, И ОСНОВА.

Сознанье, Сила, и Основа
Три ипостаси Одного.
О, да, въ началѣ было Слово,
И не забуду и его.
Въ круженьи Солнца мірового
Не отрекусь ни отъ чего.

Высоты горных Сошанья—
 Какъ Гималайскіе хребты.
 Тамъ вѣчный праздникъ пониманья,
 Зачатья новой красоты.
 Для итѣжной радости ваянья
 Я измѣняю всѣ черты.

Неумирающая сила
 Не знаетъ, что такое мель.
 Она не помнить то, что было,
 Родить приливы и мятель.
 И въ каждомъ атомѣ могила,
 Въ пылинкѣ каждой колыбель.

Непстремная Основа—
 Ненесчерпаемый рудникъ.
 Въ ней всѣ возможности живого,
 Въ ней мракъ и блескъ и вадохъ и крикъ.
 Столѣтье отживъ я, и снова
 Встрѣчаю дѣтски майскій мигъ.

Среди стихійнаго безчиства,
 И столкновенья встрѣчныхъ струй,
 Я чую радость материнства,
 Я слышу новый поцѣлуй,
 И двустороннее Единство
 Въ моей крови поетъ: „Ликуй!”

О, да, въ началѣ было Слово,
 И какъ не помнить мнѣ его!
 Въ движеньи круга мірового
 Я прикасался до всего.
 Сошанье, Сила, и Основа,—
 Три солнца духа моего!

ПОЛНОЧЬ.

Каждый день я умираю, каждый день рождаюсь вновь.
Утромъ съ Солнцемъ въ міръ вступаю, ночью праздную любовь.

Непасытно сердце想要 каждый день иной мечты,
Каждой ночью смотрять звѣзды съ невозбранной высоты.

Опьяненное пространствомъ, Солнце каждый день горитъ,
Съ неизмѣннымъ постоянствомъ Полночь сердцу говоритьъ.

Слышу, слышу—волны звона, то двѣнадцать бьетъ часовъ,
Съ голубого небосклона льются хоры голосовъ,—

Возростающихъ въ безгласы, ясно внятныхъ для души,—
Гулъ растений ароматныхъ, расцвѣтающихъ въ глухи.

Море времени и мысли бьется въ беаднѣ голубой,
О предѣлы пониманій удариется прибой.

И душѣ, для сновъ открытой, сладко знать, что берега
Принимаютъ отъ созвѣздій и отъ Моря жемчуга.

Мигъ еще, и тьма закроетъ въ Вѣчность глянувшую дверь,
И сознанье успокоить. Кладъ полученъ. Сии теперь.

Ты—вѣкъвременное видѣль. Бионъ во времени умри.
И на завтра встань величавный въ первозданности Зари.

БЕЗГЛАСНАЯ ПОЭМА.

Каждый цветокъ есть изваянныи стихъ,
Въ каждомъ растеніи—сага.
Въ нихъ очертанія мыслей моихъ,
Слезъ освѣжительныхъ влага.

Стонть мнѣ только подумать о чёмъ,
Мысли въ пространство стремятся,
Свѣтятся въ немъ достающимъ лучомъ,
Въ гроадыхъ созвѣздій роятся.

Мыслью мою я все достаю,
Въ царствахъ бездонныхъ Энира.
Въ кузницахъ тайныхъ незримо кую
Звенья богатаго міра.

То, что чернѣло, какъ грубый кусокъ,
Было обломкомъ тяжелымъ,
Я превращаю въ горящій цветокъ,
Отданный огненнымъ пчеламъ.

Творческій молотъ стучитъ безъ конца,
Искры сплетаются въ пляскѣ.
Звенья ростутъ Мирового Кольца,
Неумирающей сказки.

Дальше и дальше уходить мечты,
Нѣть для мышленья границы.
Въ новыхъ просторахъ раскрылись цветы,
Искрятся ихъ вереницы.

Въ лилияхъ бѣлыхъ вся нѣжность моя,
 Страсть моя въ кактусахъ красныхъ,
 Въ желтыхъ колосьяхъ покой бытія,
 Ласковость въ розахъ атласныхъ.

Арумъ зловѣштій, и старый анчаръ,
 Пасть орхидей тигриной—
 Яркая разноть тождественныхъ чаръ,
 Отблески мысли единой.

Кровью я каждый цвѣтокъ расцвѣтилъ,
 Или слезою воздушной,
 Даль имъ вкусить отъ сверкающихъ силь,
 Выростыть въ бездѣлъ послушной.

Выросты ихъ, и до завтра затихъ,
 Лучшія радости пѣмы.
 Каждый цвѣтокъ есть изваянныи стихъ
 Вѣчно-безгласной Поэмы.

ВЫСОТЫ.

Безмолвствуютъ высоты,
 Застыли берега.
 Въ безмѣрности дремоты
 Нагорные снѣга.

Здѣсь были океаны,
 Но гдѣ теперь волна?
 Остались лишь туманы,
 Величье, глубина.

Красивы и устали,
Въ недвижности своей,
Не грезяще больше скамы
О бѣшенствѣ морей.

Безжизненно, по стройно,
Лежать оплоты горь.
Печально и спокойно
Раскинулся просторъ.

Ни вдоха, ни движенья,
Ни ропота, ни словъ.
Безгласное внушенье
Чарующихъ снѣговъ.

Лишь мгла долинъ курится,
Какъ жертвы блѣдны дымъ.
Но этой мглѣ не сличиться
Съ тѣмъ царствомъ снѣговыми.

Здѣсь кончили стремленья
Стремительность свою.
И и какъ привидѣнье
Надъ пропастью стою.

Я стыпу, цѣпенѣю,
Но все свѣтлай мой взоръ.
Всѣмъ сердцемъ я лелѣю
Неизреченність горь.

КЪ ЛЮДЯМЪ.

О, люди, я къ вамъ обращаюсь, ко всѣмъ,
Узнайте, что былъ я несчастенъ и вѣмъ,
Но разъ полюбилъ я возвышенность горь,
И все полюбить я и понять съ тѣхъ поръ.

Я понялъ, но сердцемъ,—о, нѣтъ, не умомъ,
 Я знаю, что радостенъ царственный громъ,
 Что молнія губить людей и звѣрей,
 Но міръ нашъ вдвойнѣ обольстителенъ съ ней.

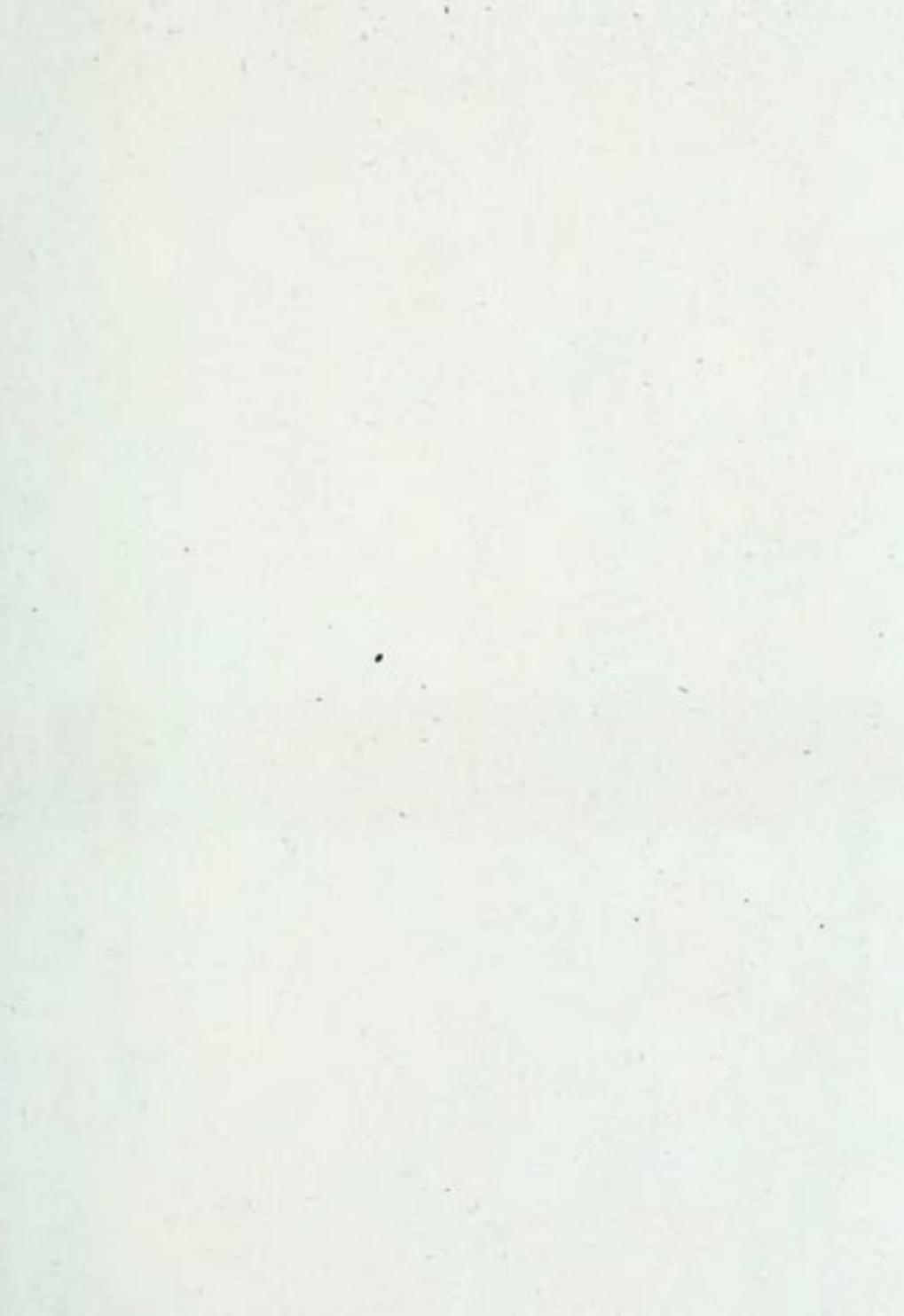
Миѣ правится все, что Земля миѣ дала,
 Всѣ сложныя ткани и блага и зла,
 Всего я касался, всему я молюсь,
 Ручьемъ я смѣялся, но съ Моремъ сольюсь.

И снова подъ властью горячихъ лучей
 Съ высотъ оборвется звенящій ручей.
 Есть мудрость, но жизнь не распуталь никто,
 Всѣмъ мудрымъ, всѣмъ мертвымъ, скажу я—„Не то!“

Есть что-то, что выше всѣхъ знаній и словъ,
 И я отвергаю слова мудрецовъ,
 Я знаю и чувствую только одно,
 Что пьяно оно, міровое вино.

Когда же упьюсь я виномъ міровымъ,
 Умру и воскресну и буду живымъ,
 И буду я съ юными утреннимъ вновъ...
 О, люди, я чувствую только Любовь!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. Цвѣтныя ткани.

	Стр.
Гимнъ Солицу	9
Солнечный лучъ	17
Сигурдъ	18
Чтò мнѣ нравится	19
Мои авѣри	20
Жарь-Птица	21
Узель	22
Звѣздный хороводъ	22
Зыби зрачковъ	23
Песокъ	24
Ворожба	25
Дьяволъ Моря	27
Колдуныя	29

2. Очертанія сновъ.

Возвращеніе	35
Раннимъ утромъ	35
Преддверья	36
Подо льдомъ	37
Бѣлый Ангель	37
Благовѣщеніе въ Москвѣ	38
Я не знаю мудрости	39
Есть люди	39
Голубая Роза	40
Меррекюль	41
Коромысло	42
Льсная лилія	42
Сиѣжинка	43
Ручеекъ	44
Божья невѣста	46
Золотая рыбка	47
Линіи свѣта	49

3. Мгновенья сліянія.

	Стр.
Какъ призракъ	51
Изъ-подо льда	51
Лунная соната	52
Утро	55
Жемчугъ	56
Къ Еленѣ	58
Пѣсня Араба	59
Итальянскій цвѣтокъ	60
Звѣзда звѣздъ	60
Прекрасны улицы съ толпой	61
Печаль Луны	61
Разлученные	64
Тынъ	65
Когда я быть мальчикомъ	66
Маскированный баль	67

4. Проклятія.

Отреченіе	71
Злая Ночь	72
Онъ быль изъ тѣхъ	74
✓ Я ненавижу человѣчество	75
Невѣрному	76
Различные	77
Далекимъ близкимъ	78
О, да, молитvenна душа	79
Старая пѣсенка	80
Къ случайной	81
Чѣмъ выше образъ твой	81
Маленькая птичка	82
Такъ скоро	82
Приливъ	83
Довольно	84
Мои проклятія	84

5. Безрадостность.

Безрадостность	89
Воздушность	89
Прощаніе	90
Безлагодность	91

Стр.

Подневольность	92
Каторжникъ	93
Выборъ	94
Отдать себя	95
Тише, тише	96
Печальница	96
Царство тихихъ звуковъ	97
Болото	98
Старый домъ	99
Я больше ни во что не вѣрю	100
Отчего мій такъ душно	101
Медленно, тягостно	102
Я какъ облако	102
Умирающій	103
Птичка	103
Къ Ночи	104
У Моря ночью	105
Межъ подводныхъ стеблей	105

6. Приближенія.

Я тихо сплю	109
Боль	110
Скорѣе	111
Мало криковъ	112
Богъ создалъ міръ изъ ничего	112
Зимой ли кончается годъ	113
Похвала уму	114
Къ невидящимъ	115
Пять пещеръ	115
Радостный занѣть	116
Воздушная дорога	118
Колодецъ	119

7. Мировое кольцо.

Богъ и Дьяволъ	123
Красота.	123
Намеки	124
Лтстница любви	125
Ребенокъ	126
Одинъ изъ итоговъ	130

There is an apparent discrepancy

The pages are either missing or

The filming is recorded as the b

y at this point.

the pagination is incorrect.

ook is found in the collections.

	Стр.
Другие итоги	133
Сознанье, Сила, и Основа	134
Полночь	136
Безгласная поэма	137
Высоты	138
Къ людямъ	139

Эта книга возникла на берегу Балтийского моря,
в Меррекюль, в лютые дни и ночи 1903-го года.
Появляется вновь безъ изменений въ текстъ,
Да живутъ созвучья Янтарного моря.

КАТАЛОГЪ

КАТАЛОГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
«СКОРПІОНЪ»

I. СТИХИ.

- Ю. Балтрушайтисъ. Земные Ступени. Элегии. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Ю. Балтрушайтисъ. Горная Тропа. Вторая книга стиховъ. М. 1912.
Ц. 1 р. 25 к.
К. Д. Бальмонтъ. Полное собрание стиховъ.
Томъ I. (Подъ съвернымъ Небомъ. Въ безбрежности. Тишина)
Распроданъ.
Томъ II. (Горящія Зданія). Распроданъ.
Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изд. 4-е. М. 1912. Ц. 2 р.
Томъ IV. (Только Любовь). Изд. 3-е. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ V. (Литургія Красоты). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ VI. (Фейные Сказки. Злые Чары). Изд. 2-е. М. 1911.
Ц. 1 р. 50 к.
Томъ VII. (Жаръ-Птица). Фронтиспись К. Сомова (хромолитографія). М. 1907. Ц. 2 р.
Томъ VIII. (Зеленый Верноградъ). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ IX. (Птицы въ воздухѣ). Изд. 2-е. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ X. (Хороводъ Временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собрание стиховъ 1892 —
1909 гг.
Томъ I. Стихи 1892 — 1909 гг. (Chefs d'œuvre. Meilleur essai.
Tertia Vigilia). Вторая тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.
Томъ II. Стихи 1902—1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos). Вторая
тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.
Томъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Всѣ Напѣвы). Вторая тысяча.
М. 1909. Ц. 2 р.
Валерій Брюсовъ. Зеркало Тѣней. Стихи 1909 — 1912 г. Обложка
Д. Митрохина. М. 1912. Ц. 2 р.
Из. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 60 к. (вм. 1 р.).
Андрей Бѣлы. Золото въ Лазури. Первый сборникъ стиховъ.
Обложка И. Феофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.
Поль Верзинъ. Собрание стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова.
Съ біографическимъ очеркомъ и 6 портретами. М. 1911. Ц. 2 р.
Юрій Верховскій. Разныя стихотворенія. М. 1908. Ц. 80 к.
З. Н. Гиппіусъ. Собрание стиховъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

- Н. Гумилевъ. Жемчуга. Стихи. Обложка Д. Кардовского. М. 1910.
Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ. Сог Ardens. Томъ I (Сог Ardens. Speculum Speculorum. Эросъ. Золотыя Завсы). Фронтиспісъ К. Сомова (хромолитографія). М. 1911. Ц. 2 р. 40 к.
- Сог Ardens. Томъ II. (Любовь и Смерть. Rosarium). М. 1912.
Ц. 2 р. Для имѣющихъ I томъ — 1 р. 10 к. (Оба тома вмѣстѣ 3 р. 50 к.)
- М. Кузминъ. Съти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Феофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- М. Кузминъ. Осенний Озеро. Вторая книга стиховъ. Обложка работы С. Судейкина. М. 1912. Ц. 1 р. 80 коп.
- Ив. Коневской. Стихи и проза. Постмортное собрание сочинений съ портретомъ автора и двумя очерками о его жизни и творчествѣ. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904. Ц. 1 р. (вм. 2 р.).
- Николай Морозовъ. Знѣзды и пѣсни. Съ портретомъ автора и 2 картами звѣздного неба. Обложка М. Соломонова. М. 1910. Ц. 1 р 50 к.
- Федоръ Сологубъ. Собрание стиховъ. М. 1904. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.).
- Оснаръ Уильямъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Д. Бальмонта.
Обложка М. Дурнова. М. 1904. Ц. 50 к.
- Уольтеръ Уитманъ. Побѣги травы. Пер. К. Д. Бальмонта. М. 1911.
Ц. 1 р. 90 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Валерій Брюсовъ. Земная Ось. Рассказы и драматические сцены.
2-ое дополненное изд. Иллюстрации и обложка Альберто Мартини (фототипіи). М. 1910. Ц 2 р. 20 к.
- Валерій Брюсовъ. Ночи и дни. Вторая книга рассказовъ и драматическихъ сценъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ немецкой жизни XVI в. Изд. 2-е, дополненное примѣчаніями. Украшена по гравюрамъ XVI в. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Андрей Бѣлы. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обложка А. Федотова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Кнутъ Гамсунъ. Съеста. Очерки и рассказы. Переводъ съ норвѣскаго С. А. Полякова. М. 1900. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)
- М. Кузминъ. Первая книга рассказовъ. (Приключения Эме Лебефа. Письма Клары Бальмонть. Тѣнь Филиды. Флоръ и разбойникъ. Рѣшеніе Аины Мейеръ. Кушетка тети Сони. Крылья). Обложка по изданию XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- М. Кузминъ. Вторая книга рассказовъ. (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиніи. Нѣжный Іосифъ). Обложка по изданию XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

- М. Кузминъ. Третья книга рассказовъ. (Печатается).
 Жагадицъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Феофилактова. М. 1905. Ц. 40 к. (вм. 65 к.).
- Эдгаръ По. Собрание сочинений въ переводѣ К. Д. Бальмонта.
 Томъ I. Поэмы, сказки. Изд. 3-е. М. 1912. Ц. 2 р. 20 к.
 Томъ II. Рассказы, статьи. Изд. 3-е, дополненное. (Печатается).
 Томъ III. Страшные рассказы, гротески. М. 1911. Ц. 2 р.
 Томъ IV. Необычайные приключения. М. 1912. Ц. 2 р.
 Томъ V. Эдрика. Письма. Биографія. М. 1912. Ц. 2 р.
- Ст. Пшибышевскій. Собрание сочинений.
 Книга I. Про догощее. Де profundis. У Моря.
 Сыны Земли (романъ въ 3 частяхъ) и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. Обложка Е. Надельмана. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к. (вм. 2 р. 40 к.).
 Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Феофилактова. М. 1906. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 30 к.).
 Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Переводъ М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 60 к. (вм. 1 р.).
- Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Переводъ Е. Троповскаго. М. 1905. Ц. 20 к. (вм. 50 к.).
 Федоръ Сологубъ. Жало Смерти. Рассказы. М. 1905. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.).

III. ДРАМЫ.

- Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. М. 1909. Ц. 80 к.
- Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1909. Ц. 30 к. (вм. 50 к.).
- Зигмунтъ Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курлинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. М. 1906. Ц. 30 к. (вм. 60 к.).
- А. Зиновьевъ-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вяч. Иванова. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 80 к.
- Шарль ванъ-Лербергъ. Пани. Они почуяли. М-ле Коси-Съю. Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстрациями Н. Феофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.
- Шарль ванъ-Лербергъ. Они почували. М-ле Коси-Съю. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.
- Морисъ Мэтэрлинкъ. Стихи. Пеллеасъ и Мелизандъ. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Мэтэрлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905. Ц. 1 р.
- Ст. Пшибышевскій. Въчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907. Ц. 60 к. (вм. 1 р.).

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликіардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. М. 1907. Ц. 80 к.
Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія („Парацельсъ“, „Подруга“, „Зеленый попугай“.) Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ, ПУТЕШЕСТВІЯ И Т. Д.

К. Д. Бальмонтъ. Змѣиные цвѣты. Путевые письма изъ Мексики. Съ 43 рис. М. 1910. Ц. 3 р. То же — безъ рисунковъ. Ц. 2 р.
Обри Бердслей. Содержаніе: Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Монографія. — Артуръ Симонсъ. Обри Бердслей. Монографія. — Обри Бердслей. Венера и Тангебаэръ. Романтическая новелла. — Обри Бердслей. Стихи. Застольная болтовня. Избранный мѣста изъ писемъ. — Подробная иконографія и библіографія. — Примѣчанія. — Портреты, автопортреты, карикатуры. — Воспроизведенія рисунковъ (около 40) О. Бердслея черныхъ и въ краскахъ. Авторизованный переводъ съ англійскаго М. Ликіардопуло. М. 1912. Ц. 3 руб.

Н. Брюсовъ. Временное и пространственное строение формы. М. 1911. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Лицейские стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. М. 1912. Ц. 2 р.
Валерій Брюсовъ. За моимъ окномъ. Воспоминанія, наблюденія, мысли. М. 1913.

В. Аандербергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902. Ц. 40 к. (вм. 70 к.)

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическая данина жизни Пушкина. М. 1903. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Письма Пушкина къ Пушкину. Новые материалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.)

Артуръ Рансонъ. Оскаръ Уайлльдъ. Характеристика. Авторизованный переводъ съ рукописи М. Ликіардопуло. Съ предисловіемъ для русского издания Роберта Росса и съ неизданнымъ портретомъ О. Уайльда. (Печатается.)

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цветы на 1901 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901. Ц. 60 к. (вм. 1 р. 50 к.)

Сѣверные цветы на 1902 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902. Ц. 60 к. (вм. 2 р.)

Съверные цветы. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, разсказы, статьи К. Д. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппіусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ф. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьевы, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904. Ц. 3 р.

Съверные цветы Ассиріоніе на 1904—5 гг. Роскошное издание. Содержание: „Три расцвѣта”, драма К. Д. Бальмонта. „Земля”, сцены из будущихъ временъ Валерія Брюсова. „Танталь”, трагедія Вяч. Иванова. Стихи и разсказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ф. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппіусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды, Л. Зинновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и весь укращенія Н. Феофилактова. М. 1905. Ц. 3 р.

Съверные цветы на 1911 годъ. Содержание: „Забытыя сокровища”, очеркъ К. Бальмонта. „Голландка Лиза”, комедія М. Кузмина. „Подъ Навловымъ щитомъ”, разсказъ Б. Садовского. „Аполлонъ и мышь”, статья М. Волошина. „Шумъ смерти”, разсказъ З. Гиппіусъ. „Подземное жилище”, поэма Валерія Брюсова. „Семь земныхъ соблазновъ”, главы из романа Валерія Брюсова, стихи З. Гиппіусъ, Ю. Балтрушайтиса, Н. Гумилева, Д. Навашина, Валерія Брюсова. Обложка К. Сомова. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

VI. АЛЬБОМЪ.

Н. Феофилактовъ. 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, однокрасочными и многоцвѣтной автотипіей). М. 1908. Ц. 3 р.

VII. МУЗЫКА.

Куранты Любви. Слова и музыка М. Кузмина. 30 стр. текста+70 стр. нотъ. Восемь рисунковъ (во всю страницу) С. Судейкина и Н. Феофилактова (фототипіи и літографії). М. 1910. Ц. 3 р.

VIII. „ВѢСЫ”.

Ежемѣсячникъ искусства и литературы. Шесть лѣтъ издания (1904—1909), 72 №№, свыше 7000 страницъ текста большого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками известныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ „Вѣсахъ” напечатаны стихи, поэзии, рассказы, драмы, статьи письма, воспоминания русскихъ и иностранныхъ писателей Рене Аркоса, С. Ауслендер, Ю. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, Е. Баратынского, О. Бердстта, А. Блока, Валерія Брю-

сова, Андрея Былаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна, З. Гип-
піусь, Рене Гиля, Ж. де Гурмона, С. Городецкаго, В. Гофмана.
Н. Гумилева, И. Грабаря, В. Жуковскаго, Вяч. Иванова, В.
Каллзаша, М. Кальюкоресси, Антона Крайниго, А. Кондрать-
ева, М. Кузмина, Н. Лернера, М. Ликіардопуло, Д. Мережков-
скаго, В. Морфіла, И. Минскаго, Дж. Папіні, С. Полякова, А.
С. Пушкіна, Ст. Пшибышевскаго, А. Ремізова, В. Розанова,
Р. Росса, И. Рукавишникова, Б. Садовскаго, Вл. Соловьева, С.
Соловьева, Ф. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. Н. Толстого, Ос-
кара Ульльда, К. Чуковскаго, Г. Чулкова, Элліса, П. Эгтін-
гера и мн. др. Въ „Вѣсахъ“, воспроизведены (въ одну и и-
 сколько красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки слѣ-
 дующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, В. Борисова-
Мусатова, М. Врубеля, В. Дріттенпрейса, О. Гілла, К. Валь-
гера, А. де Каролісъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крычкова,
М. Ларіонова, И. Левитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В.
Міліоти, Л. Пацернака, О. Радона, Н. Рериха, Т. ванъ Ри-
сельберга, А. Рувейра, И. Салуповъ, К. Сомова, Т. Стержль-
Мура, С. Судейкина, М. Шестеркінг, Фидуса, К. Юона, Г. Яку-
лова, Н. єоофілактова и мн. др.

Значительная часть материала, обновленного въ „Вѣсахъ“, никогда
не перепечатана.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсахъ“ за весь шесть лѣть издания
— 40 руб. безъ пересылки. Отдельные годовые комплекты: 1904, 1905
и 1906 — по 6 руб. безъ пересылки, 1908, 1909 — по 7 руб. безъ пере-
сылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.) —
27 руб., безъ пересылки; 1907 г. отдельно не продается. Пересылка по
дѣйствительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право
повысить указанные цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются
пересылкой за счетъ книгоиздательства, за исключеніемъ тѣхъ
изданій, на которыхъ цѣна понижена и 2-й части „Cor Ardens“ Вя-
чеслава Иванова, получаемой по талону. Деньги, причитающіяся за
заказываемыи изданіи, просить высыпать впередъ — при заказѣ.
При выпискѣ наложеннными платежемъ расходы по наложенію пла-
тежа принимаютъ на себя гг. закажчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ“: Москва, Теат-
ральная пл., д. Метрополь, кв. 23 (телефонъ 50-69). Изданія к-ва „Скор-
піонъ“ можно также получать въ книжномъ складѣ „Комісіонеръ“,
Петербургъ, Садовая, 18.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«МУСАГЕТЪ».

Москва, Пречистенскій бульв.,
д. 31, кв. 9.

- Андрей Бѣлый. Символиамъ. Книга статей. М. 1910. Ц. 8 р.
- Андрей Бѣлый. Арабески. Книга статей. М. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- Андрей Бѣлый. Трагедія творчества. (Достоевскій и Толстой) М. 1912.
Ц. 40 к.
- Вячеславъ Ивановъ. Эллинская религія страдающаго
Бога. Опытъ религиозно-исторической характеристики. (Печатается).
- Вячеславъ Ивановъ. Борозды и межи. Вторая книга статей. (Готовится).
- Вольфингъ. Модерниамъ и музыка. Книга статей. М. 1911.
Ц. 2 р.
- Эланть. Русскіе символисты. М. 1910. Ц. 2 р.
- Борисъ Садовской. Русская Камена. Книга статей. М. 1910.
Ц. 1 р. 50 к.
- С. Аурылкинъ. Рихардъ Вагнеръ и Россія. (Печатается).
- Леонардо да Винчи. Трактатъ о живописи. Переводъ и вступительная статья М. С. Сергеева. (Готовится).
- Гете. Театральное призвание Вильгельма Мейстера.
(Wilhelm Meisters Theatraliche Sendung) Преводъ первоначальной
редакціи романа „Ученические годы Вильгельма Мейстера”,
найденній въ 1910 году въ рукописяхъ Шультеса. Продисловіе первого издателя Гарри Мейника. Приложение: I. Сводъ отзывовъ Гете о своемъ романѣ. II. Выдержки изъ писемъ
Шиллера о „Вильгельмѣ Мейстерѣ”. (Готовится).
- Адольфъ Гильдбрантъ. Проблема формы въ изобразительныхъ
искусствахъ. Переводъ подъ ред. Г. А. Рачинского. (Печатается.)
- Хаустонъ Стюартъ Чемберленъ. Арійское міросозерцаніе. (Печатается).
- Жозефъ Орсье. Агріппа Ноттесгеймскій. Критико-біографи-
ческій очеркъ. Переводъ подъ редакціей и съ дополненіями
Валерія Брюсова. Съ портретомъ. (Печатается).
- Павлик изъ Псы. Эпхаристиконъ Богу. Автобіографія не-
удачника ** вѣка. Переводъ въ стихахъ размѣромъ подлинника
Валерія Брюсова. (Готовится.)

- Провансальське мистецтво XII и XIII вѣковъ. Переводъ Н. П. Киселева. Т. I.
Переводы. Т. II. Комментаріи. (Готовится.)
- Иоганнъ Тэнъ. Наполеонъ Бонапартъ. Переводъ О. К. Синцовой. Съ портретомъ. М. 1912. Ц. 80 к.
- Фридрихъ Шлегель. Люцина. Съ приложеніемъ писемъ Шлефер-махсра. Переводъ и вступительная статья Ф. А. Степпуна. (Готовится).
- Пауль Дейссекъ. Веданта и Платонъ въ свѣтѣ Кантовой философіи. Пер. Мих. Сиброва. М. 1911. Ц. 49 к.
- Шарль Бодлеръ. Стихотворенія въ прозѣ. Переводъ Эллиса. М. 1910. Ц. 1 р.
- Антологія. Книга стиховъ. Москва. 1911. Ц. 2 р.
- Александъръ Блокъ. Собрание стихотвореній въ трехъ книгахъ.
- Книга первая. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М. 1911. Ц. 2 р.
- Книга вторая. Нечаянная Радость. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- Книга третья. Синъжная Ночь. Издание 2-е. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- Александъръ Блокъ. Ночные Часы. Четвертый сборникъ стиховъ. 1908—1910. М. 1911. Ц. 1 р.
- В. Н. Гиппиусъ. Собрание стиховъ. Книга вторая. М. 1910. Ц. 1 р.
- Сергѣй Соловьевъ. Апрѣль. Книга стиховъ. М. 1910. Ц. 2 р.
- Эллісъ. Stigmata. Книга стиховъ. М. 1911. Ц. 2 р.
- «Логосъ» Русское издание международного ежегодника по философии культуры. 1910 г. Книга первая. М. 1910. Ц. 2 р.
- «Логосъ». Книга вторая. М. 1910. Ц. 2 р.
- «Логосъ» 1911 г. Книга первая. М. 1911. Ц. 2 руб.
- «Логосъ» 1911—12 г. Книга вторая и третья. Ц. 2 р. 50 к.
- «Логосъ». Книга первая и вторая 1912—13 г. Ц. 2 р. 50 к.

Изданія «Орфей».

- Яновъ Бене. Аигога или Утренняя Заря въ восхождении и т. д. Переводъ Алексея Петровскаго. (Готовится).
- Гимны Орфея. Переводъ Владимира Нилендера. (Готовится).
- Гераклитъ Ефесский. Фрагменты. Переводъ Владимира Нилендера. М. 1910. Ц. 1 р.
- Рэйсбрюкъ Удивительный. Одѣяніе духовнаго брака. Вступительная статья Мориса Матерлинка. Переводъ Михаила Сиброва. М. 1910. Ц. 2 р.
- Рихардъ Вагнеръ. Парсифаль. Переводъ Эллиса. (Готовится).
- Аида Новалиса въ переложеніи Вячеслава Иванова. (Готовится).
- Мейстеръ Эккардъ. Проповѣди. Переводъ М. В. Сабашниковой. М. 1912. Ц. 3 р.

ки. И. И. Шаликова, А. Башилова, безъ подписи сочинителя
карандашный рисунок А. С. Пушкина. (Печатается).

А. С. Пушкинъ. Суждения о всемирной литературѣ съ
бранными систематически подъ редакціей и съ присловіемъ
Валерія Брюсова. (Готовится).

Барбэ А'Оревиль. Дендиамъ и Джорджъ Брэммель. Вступи-
тельный статья М. Кузмина. Переводъ М. А. Петровскаго.
М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Поль Верлэнъ. Записки вдовца. Вступительная статья Вале-
рія Брюсова. Переводъ С. Я. Рубановича. Портретъ
Верлэна работы Н. Гончаровой. Рисунки Валлотона, П.
Верлэна, Каазальса, Коля и др. М. 1910. Ц. 1 р.

Ренз Гиль. Научная поэзія. О цѣляхъ и задачахъ искусства.
Переводъ Н. Львовой, подъ ред. и съ предисловіемъ Валерія
Брюсова. (Печатается).

Иоани Секундъ. Поцѣлуи. Переводъ съ латинскаго въ стихахъ
Сергѣя Соловьева. (Готовится).

Маріэтта Шагинянъ. Orientalia. Стихи. М. 1913. Ц. 75 к.

З. Т. А. Гофманъ. Золотой горшокъ. Переводъ и предисловіе Влади-
мира Соловьева. Съ автопортретомъ. М. 1913. Ц. 1 р.

Юліанъ Анисимовъ. Обитель. Стихи. М. 1913. Ц. 1 р.

Н. Львова. Старая сказка. Первая книга стиховъ. (Печатается).

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«АЛЬЦІОНА».

Москва, Пречистенскій бульв.,
д. 31, кв. 9.

Андрей Бѣлы. Лугъ зеленый. Книга статей. (Лугъ зеленый.—Символизмъ.—Символизмъ и современное русское искусство.—Настоящее и будущее русской литературы.—Гоголь.—Чеховъ.—Мережковскій.—Сологубъ.—Брюсовъ.—Бальмонтъ.—Апокалипсисъ въ русской поэзіи). М. 1910. Ц. 1 р.

З. Н. Гиппіусъ. Лунные муравьи. Книга рассказовъ. (Лунные муравьи.—Онь сѣль.—Женское.—Быть и такой.—Уверенная.—Дверь.—Застьныи.—Нѣтъ возврата.—Земля и Богъ.—Прикачникъ.—Подслушанные слова). М. 1912. Ц. 1 р.

Сергій Кильчуковъ. Пъсни. Печаль-Радость, Лада, Бова. М. 1911. Ц. 75 к.

М. Кузминъ. Новый Ролла. Поэма. Иллюстраціи Н. Сапунова. (Готовится).

Борис Садовская. Узоръ чугуниы. Рассказы. (Черты изъ жизни моей.—Две главы изъ неизданныхъ записокъ.—Петербургская ворожея.—Праздничный день поручика Матрадурова.—Погибшій пловецъ.—Сынъ бѣлокаменной Москвы.—Нѣз бумагъ князя Г.). М. 1910. Ц. 1 р.

Юрій Сидоровъ. Стихотворенія. Вступительные статьи А. Бѣлаго, Б. Садовского, С. Соловьева. Рисунокъ О. П. Михайловой. Украшения А. А. Арапова. М. 1910. Ц. 1 р.

Владимир Соловьевъ. Стихотворенія. Изд. 6-е, дополненное. (Печатается). Любовь Столице. Лада. Пѣсенникъ. Обложка С. Коненкова. Надписи и украшения А. Арапова. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Шагинянъ. О блаженствѣ имущаго. (Поэзія З. Н. Гиппіусъ) М. 1912. Ц. 40 к.

Владимир Эльснеръ. Пурпуръ Киеры. Эротика. Иллюстраціи Н. Милюти, М. Сарынина, Г. Якулова. (Печатается).

Листки изъ утраченного альбома Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное издание рукописи. Стихотворенія А. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземскаго, Н. Д. Иванчина-Писарева.

BINDING SECT.

OCT 1

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG Bal'mont, Konstantin
3453 Dmitrievich
B2 Polnoe sobranie stikhov
1914a
t.4

